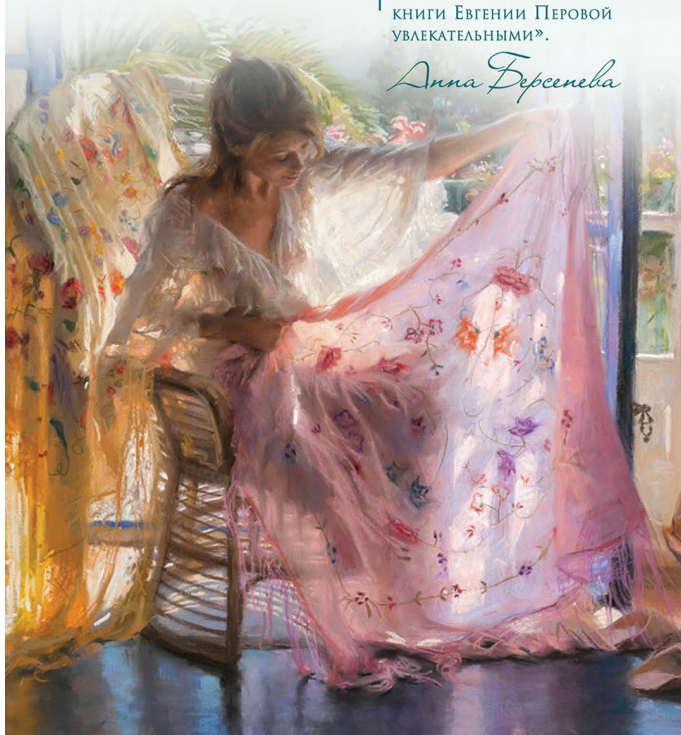

ЕВГЕНИЯ ПЕРОВА

Индейское лето

«ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ
И ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ
ВАЖНЫ ДЛЯ МЕНЯ В
ЖИЗНИ И В ЛИТЕРАТУРЕ.
СОЕДИНЕНИЕ ЭТИХ КАЧЕСТВ
С ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫМ
ТАЛАНТОМ И ДЕЛАЕТ
КНИГИ ЕВГЕНИИ ПЕРОВОЙ
УВЛЕКАТЕЛЬНЫМИ».

Анна Беренева

Евгения Георгиевна Перова

Индийское лето (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31505653

Индийское лето : [сборник] / Евгения Перова: Э; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-092267-3

Аннотация

Она протянула ему ладонь – Леонид взял ее как-то странно, двумя руками, и легонько потряс, потом поцеловал. Они посмотрели друг другу в глаза – обоим вдруг стало ясно, что все не так просто: не зря они разговоры разговаривают, не зря смущаются. Лёня и Лёля... Мягкое, ласковое «л», навязчиво повторяющееся в именах, сплетающее их между собой в замысловатый узор, казалось Лёле знаком судьбы...

В сборник Евгении Перовой вошло семь новелл, в которых, как и в новелле «Царь Леонид», герои пытаются найти формулу любви.

Содержание

Царь Леонид	5
Он войска свои покинул...	45
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Евгения Перова

Индийское лето (сборник)

© Перова Е., текст, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Царь Леонид

*Положи меня, как печать, на сердце твое,
как перстень, на руку твою...*

Песнь Песней царя Соломона

Мне всегда трудно дается первая фраза. Она появляется не сразу – прячется за частоколом образов, теряется в паузине слов, и часто только подойдя к концу повествования, я нахожу ту первую, единственную и неповторимую. А ведь это очень важно – первое слово! Первый вздох, первый шаг, первый взгляд...

Точно так же, только дописав текст до конца, я понимаю, о чем он.

Хотя, наверно, лукавлю: ведь все, что я пишу, об одном – о Любви.

Так как же мне начать эту историю?

Может быть, так: «Алла Львовна умерла в понедельник...»

Нет, мрачно.

А может быть, просто с начала: с первого взгляда и первого слова?

С полуслова...

...а потом появился Царь Леонид – так прозвала его острая на язык Маруся, соседка и подруга Аллы Львовны. Лёля и раньше его встречала: пару раз он приходил к Алле Львовне с женой – шумной и громогласной Сонечкой, Софьей Сергеевной. Она преподавала литературу в школе, обо всем говорила резко и безапелляционно, а Леонид только морщился и лишь иногда тихонько ей бормотал:

– Ну что ты такое говоришь, Сонечка...

– Я знаю, что говорю!

Лёля видела – ему неудобно. Леонид ей нравился – высокий, крупный, слегка похожий на Шалапина, он носил очки и курил трубку, что очень ему шло. Преподавал на филфаке МГУ, знал несколько языков, много читал, и Лёля как-то раз поспорила с ним о романе Лилиан Войнич «Овод», который он называл «садистской книгой», а Лёля возмущалась. Однажды Леонид пришел один, без Сонечки, и случайно оказался за столом рядом с Лёлей. Они вдруг заговорили о Вирджинии Вульф – Лёля никак не могла достать прошлогодний номер «Иностранки», где была опубликована ее «Миссис Дэллоуэй», а Леонид читал этот роман по-английски. Оба увлеклись и проговорили весь вечер. «Какой он милый! – думала Лёля, потихоньку разглядывая Леонида. – Царь, конечно, но Царь сказочный, игрушечный – плюшевый такой, уютный! И

кажется, что не очень уверен в себе...» А Леонид вдруг замолчал, снял очки и, протирая привычным движением стекла, сказал:

– Зря вы мне это позволяете...

– Что позволяю?!

– Говорить. Я же заговорю вас насмерть!

Они ушли вместе и всю дорогу разговаривали, и никак не могли расстаться, все провожали друг друга: то Леонид Лёлю до подъезда, то Лёля его до метро. Наконец, в очередной раз дойдя до крыльца, Лёля сказала:

– А пойдёте ко мне! Что мы все ходим туда-сюда? Я вас кофе угощу! Готовлю я плохо, но кофе делаю хороший!

Леонид снял очки – Лёля уже заметила: он так делал всегда, смущаясь – и тихо произнес:

– Боюсь, что уже поздно... Жена, наверно, волнуется.

Лёля страшно покраснела – она только сейчас сообразила, как двусмысленно прозвучало ее приглашение: какой ужас, теперь он бог весть что обо мне подумает...

– Да-да, конечно, я не сообразила... Ну, прощайте!

Она протянула ему ладонь – Леонид взял ее как-то странно, двумя руками и легонько потряс, потом поцеловал. Они посмотрели друг другу в глаза – обоим вдруг стало ясно, что все не так просто: не зря они разговоры разговаривают, не зря ходят туда-сюда и никак не могут расстаться, не зря смущаются. В эту ночь Лёля долго маялась без сна – все перебирала в памяти сказанные слова, взгляды, улыбки. И улыба-

лась сама: Лёня и Лёля – это же нарочно не придумаешь! Лёня и Лёля, Леонид и Елена, Леонид Павлович и Елена Михайловна, Леонид Павлович Полторацкий и Елена Михайловна Лебедева... Эта невольная аллитерация – мягкое, ласковое «л», навязчиво повторяющееся в именах, сплетающее их между собой лиловой синелькой, – казалась Лёле знаком судьбы. И встретились у Аллы Львовны!

Он позвонил через три дня, позвал на выставку, потом Лёля его пригласила в театр, так это и тянулось до самой зимы – встречались, бродили по Москве, пили кофе в Филипповской булочной на улице Горького, кормили воробьев на бульварах. А на зимних каникулах все и случилось: они праздновали Рождество у Аллы Львовны, потом долго гуляли под медленно падающим снегом, а когда прощались у дверей, Леонид ее поцеловал, она ответила, привстав на цыпочки, и поцелуй получился таким серьезным, что после него надо было либо сразу расставаться, либо... Они попытались сделать вид, что ничего такого не произошло, и Леонид пошел было к метро, а Лёля вошла в подъезд, ощущая неимоверную печаль – физически ощущая, как тяжелый груз на плечах, но не успела закрыть дверь лифта, как Лёня вернулся. Они целовались в лифте, целовались перед дверью квартиры, которую она с трудом открыла, целовались в коридорчике... А потом ничего не вышло. Совсем.

– Да, не гожусь я, видно, в герои-любовники...

– Лёнечка, ну что ты! Просто мы оба переволновались!

И я плохо старалась, наверно. У меня очень давно ничего такого не было...

Он хмыкнул:

– Знаешь, у меня тоже. Наверно, мне лучше уйти...

– А ты не можешь остаться?

– Вообще-то могу.

– А как же?

– Она с классом в Ленинград уехала и детей взяла. Так что остаться могу, да что толку...

– Не уходи, пожалуйста! Давай просто полежим рядышком. Обними меня...

Он вздохнул – и остался на ночь. Горела елочная гирлянда, лениво мигали разноцветные лампочки, поблескивали стеклянные шары и серебряная мишура, а старый Дед Мороз улыбался им из-под еловой лапы – елка была живая.

– Мне нравится, как ты пахнешь! – сказала Лёля и потерлась носом о его плечо.

– Табаком...

– А мне нравится! Давно ты трубку куришь?

– Давно, лет... лет пятнадцать уже. У меня борода была под папу Хэма и вот – трубка.

– И свитер был? Грубой вязки? Вылитый Хемингуэй! А почему ты бороду сбрил?

– Старый стал. Борода седая.

– Ты не старый совсем, что ты!

Он опять вздохнул:

– Зря мы, Еленочка, все это затеяли, я думаю. Видишь, и не получилось ничего...

– Лёня, да я же не претендую ни на что! Из семьи тебя уводить я же не собираюсь... Просто... так одиноко...

– Да.

– А дети твои на кого похожи?

– Сын – на меня, дочка – на Сонечку. А у тебя... Ты была замужем?

– Я? – Лёля вдруг рассмеялась. – Была! Представляешь, я забыла! Полтора года продержалась, потом надоело. Да и не надо было выходить. А через год встретились с ним случайно на улице, поздоровались на ходу, и я долго вспоминала – кто это, где я его видела? Представляешь? А ведь полтора года прожили! Как не бывало...

– А детей не было?

– Не было. И не будет. Никчемное я существо.

– Ну что ты!

– Да что ж, это правда. Скоро сорок, детей нет, толку нет...

– Больше не стала замуж выходить?

– Нет. Ты знаешь, я как-то всегда про себя знала, что не гожусь для этого...

– Почему?!

– Не знаю. Я и за... Господи, как же его? Толя! За Толю вышла вслед за сестрой – они с Глебом, папиным аспирантом, поженились, вроде и мне надо! Она мне Толю и сосва-

тала: такой, говорит, перспективный! Перспективный...

– А потом?

– А потом... Потом любовь у меня была. Была, да уехала. В Израиль. Он считал, что я его предала, а мне казалось – он меня...

– Грустно как...

– Да уж. Ты знаешь, мы с ним даже внешне похожи были – он роста небольшого, лохматый. Ты говоришь, у меня волосы, как дым, а у него пламя было, черное пламя, такие волосы. Глеб говорил: этот, твой – дыбом волоса! Не знаю, поженились бы мы с ним, нет. Но ехать я не могла, никак. Что мне там делать?! И тут – Леру бы подвела, зятя. Антошка, племянник, совсем еще маленький был, цеплялся за меня: «Нёня, Нёня!» Из Леры плохая мать получилась. Не знаю, может, и правда, я Сашку мало любила...

– А он?

– Он-то? Он взял и женился.

– Как женился?!

– Так. Вывез кого-то с собой.

– Что, фиктивный брак?

– Кто его знает. Я так оскорбилась...

Лёля даже не хотела его провожать, но в последний момент все-таки решила поехать в аэропорт. Ничего хорошего из этого не вышло: все были пьяны, Сашка валял дурака, эта женщина, его жена – откуда он ее взял?! – плакала. Прощаясь, тревожно заглянул ей в глаза, поцеловал, хотел что-

то сказать... Махнул рукой и ушел. Навсегда. А Лёля, добравшись до Москвы, целый день каталась на троллейбусе по Садовому – шел дождь, стекла запотели, она рисовала пальцем на стекле сердце, пронзенное стрелой, а в голове крутились какие-то стихотворные строчки: «И разомкнется... Упрямых рук твоих кольцо... Усталых рук твоих кольцо... И разомкнется усталых рук твоих кольцо... В кольце Садовом отразится мое печальное лицо...»

Приехала домой, вошла, разделась – Антошка болел ангиной, и Лера просила побыть с ним: ей нужно на какую-то важную встречу, а Лёля забыла. Прошла в комнату – Лера говорила по телефону, стоя спиной к двери, и не заметила, а Лёля с недоумением услышала, как сестра медовым голосом поет в трубку:

– Ну прости, прости, Генчик, я скоро буду! Сестра опаздывает, поганка! Что я могу поделать!

Генчик?! Лера повернулась, увидела сестру, вспыхнула, быстро завершила разговор, оделась и выскользнула за дверь. К любовнику! Это было так ясно, словно Лера сама об этом сказала, и Лёле стало жалко зятя. Они давно уже жили как кошка с собакой, особенно отношения обострились после того, как Леру выбрали комсоргом и она ловко выжила из отдела Инессу Матвеевну, старейшую сотрудницу – а Глеб, ее ученик, узнал и устроил страшный скандал, после которого они не разговаривали почти полгода. И вот теперь! Лёля пошла к Антошке – несчастный, с замотанным горлом,

с торчащими вихрами, он сидел в кровати и смотрел на нее красными глазами: опять плакал! Лёля обняла его, поцеловала:

– Ну, что такое? Горлышко болит? Солнышко мое...

Так они и жили. Потом, довольно скоро, Лера устроила ее в жилищный кооператив, даже оплатила первый взнос – только молчи, так поняла это Лёля. Она и молчала. Сначала скучала по Антошке, потом привыкла...

– Лёничка, а ты почему женился? На Соне?

– Ты знаешь, она такая хорошенькая была, звонкая, живая, я как-то и не заметил, что... Да нет, она не дура! Просто... такая... прямолинейная, что ли. Правильная слишком. И пионерского задору в ней много. А так она хорошая, детей любит, школу свою обожает. Во, завучем недавно назначили...

– А ты... ты изменял ей?

– Было пару раз. Она как дочку родила – совсем... совсем успокоилась. Все на детей ушло, на работу.

– А ты заброшенный...

– Да уж, сирота.

– Вот видишь. И что такого, если мы чуть-чуть согреем друг друга? Поддержим? Разве плохо?

– Поддерживать друг друга? – он грустно усмехнулся. – Немного солнца в холодной воде...

– Ты тоже любишь Франсуазу Саган?! Я так зачитывалась! И – надо же! – она в девятнадцать лет свою «Грусть» написа-

ла, в девятнадцать! А я... Ты знаешь, я еще в детстве говорила, что буду писательницей! Маленькая, только читать научилась, а туда же. Сидела в коридоре на сундуке – большой такой сундук, малиновым сукном накрытый, сукно колючее, а я сижу, ногами болтаю и мечтаю: стану писательницей!

– Косички у тебя были?

– Нет, лысая! Я болела много, вот и подстригли под нулевку. Это потом уже кудри такие выросли. Лера, сестра, завидовала ужасно – ей накручиваться приходилось, а мне не надо. А я ей завидовала...

– Да, волосы у тебя красивые!

– Мелким бесом, как няня говорила.

– В тебе что-то есть такое, знаешь... библейское! Маленькая Рахиль... или Суламифь...

– Да нет, вряд ли что-то библейское. Откуда ему взяться-то? Все предки деревенские – Рязань, Тверь. Если только татарское... Я на маму похожа, она такая же была. Лера на папу, а я на маму. Маленькими мы с сестрой были как близнецы, хотя и пять лет разницы, а потом поменялись.

– Так что ты про Франсуазу Саган-то?

– А! Я завидовала ей – просто ужасно! Я ведь всю жизнь что-то пишу, но... такое беспомощное, мне кажется. Может, ты бы почитал? Ой нет, не надо! Вдруг не понравится, а мне тогда лечь да помереть! Я ведь дневники веду бесконечные, письма писать обожаю... Для меня писать – как дышать! И что?! Ни-че-го! А она! В девятнадцать лет – и такой роман!

А у меня как будто кипит что-то внутри, а выхода нет, понимаешь? Один пар... Что? Что ты... на меня... так смотришь?

А Леонид любовался: полуголая, едва прикрытая простыней, она с воодушевлением рассуждала о литературе, размахивая руками – волосы развеваются, глаза горят, щеки пылают, грудь трепещет, – в радужном свете елочных огоньков она казалась каким-то сказочным существом... Черт возьми!

– Ты думаешь, что я... что ты... ах!

Он прервал ее поцелуем, и все, наконец, получилось. И очень даже впечатляюще. Потом это у них так и называлось – «поговорить о Франсуазе Саган».

Когда уходил утром – оглянулся: Лёля стояла у окна. Помахали друг другу, и Леонид пошел к метро. За ночь навалило снегу, дорожки не успели расчистить, он шел по целине, оступаясь, и казался Лёле сверху – с высоты пятого этажа – Амундсеном, пробивающимся к Южному полюсу. А у Леонида было чувство, что он уносит Лёлю с собой, как котенка за пазухой, но чем больше он удалялся от Лёлиного дома, тем быстрее таяло это ощущение, и он вдруг вспомнил нелюбимого Евтушенко: «с душой, как с девочкой больной в руках, пустевших постепенно»...

Сонечка была его второй женой. Первая... как же ее звали?! Не хуже Лёли, Леонид забыл имя: Майя? Нонна? Лариса? Рано поженились, еще студентами, сразу поняли, что погорячились, но если бы не Римма... Господи, конечно же

Римма! И как он мог позабыть! Если бы не Римма, он никогда бы сам, первый, не рискнул разорвать брак. Была в нем какая-то инерционность – попав в колею, он никогда не мог из нее выбраться. А может, это простая лень? Суесться – митуситься, как говорила бабка, – он не умел.

Было потом два романа – даже не романа, а так, нечто невразумительное: короткая связь с лаборанткой на кафедре – к счастью, она быстро уволилась и пропала из его жизни, после чего Полторацкий вздохнул с облегчением; и более серьезные «отношения» с молодой преподавательницей с соседней кафедры, Ириной Евгеньевной. Она вообще была чрезвычайно серьезна: обожала выяснять эти самые «отношения», мучила его походами в консерваторию – Леонид честно пытался вникать, но быстро засыпал под всяких Малеров и Линдеманов. Слуха у него не было никакого. Потом появился доцент Сергеенко, «отношения» осложнились еще больше – теперь их приходилось выяснять еще и с доцентом! Леонид не знал, как дать понять Ирине Евгеньевне, что с радостью готов отпустить ее на все четыре стороны – хоть к Сергеенко, хоть к кому! Как-то это все развязалось: Ирина Евгеньевна совершенно неожиданно вышла замуж за поляка и уехала в Варшаву, а доцент приходил к Полторацкому плакаться в жилетку...

После этого Леонид долго был один, не очень этим и тяготясь, пока не появилась аспирантка Сонечка – он выздоравливал от воспаления легких, Софья пришла к нему до-

мой на консультацию, огляделась по сторонам, потом, засучив рукава модной трикотажной кофточки – она называлась «лапша», и как он это помнит! – моментально сварила суп и вымыла полы. Кандидатскую она так и не защитила – родился Витя, до того ли было! Потом появилась Галочка, потом Софья устроилась в школу – как раз Витя пошел в первый класс, так что она присматривала за ним и в школе. Витя был копией отца – такой же спокойный и отрешенный, «вещь в себе», как называла его Софья. Он все переживал сам, не жалуясь никогда ни на что, хотя Леонид подозревал, что ему приходилось в школе несладко – а как же, сын учительницы! Витя преуспевал в математике и физике, а гуманитарные предметы ему не давались никак, к огромному огорчению матери: литература – это основание, на котором строится гармоничная личность! А Полторацкий с некоторым даже трепетом думал, как, каким образом преподносит она бедным детям русскую классику?! А ведь университет окончила! Галя училась хорошо, лучше брата, но все время скандалила с матерью – дети обожали отца и тяготились материнским бесконечным командованием: я знаю, что говорю!

– Ну почему, почему она такая?! – кричала Галочка, потрясая кулачком. – Папа, она ничего, ничего не понимает, ничего!

Лёня пытался как-то защищать Соню перед детьми, да ему и на самом деле было ее жалко: она так искренне уверена в собственной правоте, так наивно верила во все советские

идеалы, не допуская даже мысли о каких-то других жизненных ценностях; так энергично насаждала «разумное, доброе, вечное» — как она любила все эти штампы! — что учащиеся ее недолюбливали и побаивались, о чем она и не подозревала. Ей казалось — все ее любят.

Лёня не раз с горечью спрашивал себя, как его угораздило на ней жениться: ничего общего не было у них, ничего! Как-как! Плыл по течению, как всегда. Поначалу он еще разговаривал с ней, просвещал — тоже «сеял разумное и вечное», но бесполезно. Соня слушала, кивала, поддакивала и не слышала ничего, занятая собственными мыслями, а стоило ему замолчать, как она заводила свое, школьное, учительское: все она кого-то обличала, все расследовала какие-то интриги и происки.

— Школа — это же передовая линия идеологического фронта!

— Боже мой, Соня, ну что ты говоришь...

— Я знаю, что говорю.

Когда умер Брежнев, она плакала — и тоже совершенно искренне. Тогда они страшно поругались — Леонид кричал: что ты оплакиваешь этого бровеносца в потемках! А Соня испуганно спрашивала: что же теперь будет со страной, Лёня?! Софья с энтузиазмом восприняла свое назначение завучем, а Галя — с ужасом: ей и так было нелегко существовать между одноклассниками и матерью.

— Папа, ты знаешь, как они ее называют?! Эсэс! Софья

Сергеевна – Эс-Эс!

Галя плакала, а у Леонида сжималось сердце: бедная, бедная Галя! Бедная Соня... Они давно уже не спали вместе, но Соня была абсолютно уверена, что у них замечательный брак, крепкий и надежный, «ячейка коммунистического общества», и Полторацкий просто не представлял, что с ней будет, если она вдруг узнает о Лёле! Правда, про два небольших приключения на стороне, бывших до Лёли, она так никогда и не узнала. Это действительно были маленькие приключения, не имевшие никаких последствий – после Ирины Евгеньевны Полторацкий очень боялся еще раз вляпаться в «отношения»: одно приключение случилось в Ленинграде во время командировки, и женщину эту – филолога из Томского университета – он больше никогда в жизни не видел. С другой – аспиранткой-психологиней – он познакомился в библиотеке: они встречались изредка на протяжении нескольких месяцев, потом разбежались и, случайно попадаясь друг другу на глаза в университете, делали вид, что незнакомы – она была замужем за деканом.

Но Лёля... Им так редко доводилось видеться – хорошо, если раз в две недели. Полторацкий, чувствуя себя персонажем «Осеннего марафона», выдумывал несуществующие заседания кафедры, конференции, мифические семинары – счастье, что Соня не вникала и верила всему. Но чем дольше тянулась эта связь, тем чаще он ловил себя на мечтах о Лёле – нечаянно задумывался посреди лекции, под перешеп-

тивания студентов, или во время воскресного обеда, машинально кивая на Сонины бесконечные: «Нет, ты представляешь?!» – у нее шла затяжная война с преподавателем истории, которого она подозревала в скрытом диссидентстве.

– Что тут смешного? – восклицала Соня, а он вздрагивал, приходя в себя и убирая с лица рассеянную улыбку: перед глазами стояли смуглая Лёлина спина с цепочкой позвонков и длинная шея с поднятыми вверх пышными волосами, которые она, скрутив жгутом, придерживала рукой. Волосы у нее были темные, но с намеком на рыжину – как будто там, под волосами, светились раскаленные угли, давая красноватый отблеск. Глаза зеленовато-карие, миндалевидные, с такими черными ресницами, что ей и не надо было их красить. Прямой нос, изящно очерченные губы, смуглая кожа, маленькие руки, тонкие запястья и щиколотки – в Лёле действительно чувствовался какой-то Восток ей шли длинные серьги, кольца и звенящие браслеты. Суламифь, маленькая Рахиль...

А Лёля, сидя дома с книгой, вдруг поднимала голову и улыбалась, глядя на телефон: через пару секунд раздавался звонок – Леонид звонил с какой-нибудь ерундой, просто чтобы услышать ее голос. Только с тобой я – это я, сказала она как-то, и Леонид чувствовал то же самое. Каждый раз, когда Лёля продолжала, подхватывая на лету его мысль, Полторацкий поражался этому чуду взаимного понимания:

– Знаешь, Зинаида Гиппиус говорила: если надо объяс-

нять – не надо объяснять! Парадоксально, но верно, правда? Человек либо понимает тебя, либо нет...

– Да, и не объяснишь ничего никогда.

В один промозглый осенний вечер Леонид позвонил и сказал, что никак не может прийти, хотя обещал. «Никак не получается, ты не обидишься?»

– Нет-нет, что ты! – воскликнула Лёля. – Все в порядке, не расстраивайся, в другой раз придешь – как сможешь, так и придешь. Нет-нет, я не буду унывать, что ты. Целую.

Она повесила трубку и заплакала. Слезы сами лились из глаз, она шмыгала носом, долго искала носовой платок, потом пошла в ванную и там еще поплакала, уткнувшись в полотенце, и на кухне поплакала, роняя слезы в чашку с чаем, и никак не могла утешиться, а потом раздался звонок в дверь и все-таки пришел Лёня! Увидев ее зареванное лицо, он сказал:

– Я так и знал.

Они обнялись и долго стояли в коридоре. В этот вечер они почти не разговаривали – а что скажешь? Ничего не скажешь, и так все понятно. Они оба знали цену слову, знали его материальную силу, и пока не было произнесено вслух то, что пряталось в самой глубине души и оживало при первом же взгляде и прикосновении, еще можно было делать вид: ничего особенного, а что такого? Мы просто знакомы... так странно... Самым дорогим, самым важным было это первое объятие в коридоре после долгой разлуки – чистое счастье,

которое тут же начинало идти на убыль вместе с тиканьем часов: Леонид больше ни разу не оставался у Лёли на ночь. В этот день, сидя на постели и застегивая пуговицы на рубашке, Лёня печально сказал:

– Может быть... все-таки... мне развестись?..

Хотя совершенно не представлял, как он войдет и скажет: Соня, я развожусь с тобой! Даже страшно было подумать, что будет с ней, с детьми! Лёля обняла его:

– Ты же не сможешь... Ты будешь мучиться... И я...

Потом снова заплакала, уткнувшись ему в шею:

– Прости меня, прости... Я не хотела, правда... Я не знала, что так получится... Прости меня!

– Не стою я тебя. Ни одной твоей слезинки не стою...

– Ну что ты говоришь!

– Я знаю, что говорю. – Он вспомнил жену и совсем расстроился.

– Ты не думай, я не плачу все время, правда. Это просто сегодня день такой. Лёнечка, я же все понимаю, я заранее все знала, только ты – я тебя умоляю! – не затевай ничего, не надо, я прошу тебя! Пусть все как есть, так и будет. Ничего, как-нибудь.

И он повторил со вздохом:

– Как-нибудь...

– Правда! Давай мы не будем... как это ты говоришь? Митуситься! А вот как сказать правильно: я что делаю? Митуюсь? Или митущусь, а?

– Митусюсь? Да что ты мне голову морочишь! Ах ты, митусюсь ты эдакая...

И они засмеялись оба.

Посреди ночи Лёля проснулась. Сердце колотилось, как сумасшедшее, а она, широко раскрыв глаза, всматривалась в полутьму: ее разбудила картинка, яркая и живая, которая светилась перед глазами, не давая покоя – сад, вечер, август... Август! Скороговоркой пронеслось цветаевское: «Полновесным, благосклонным яблоком своим имперским, как дитя, играешь, август, как ладонью, гладишь сердце именем своим имперским... Август! – Сердце!» Только что прошел дождь, капли тяжело падают на землю с ветвей... По узкой дорожке идет к дому высокая темноволосая девушка в длинной юбке, с шалью на плечах, в руках у нее гитара... С невысокого балкончика смотрит молодой человек с сигаретой – огонек вспыхивает в полумраке... Пахнет дождем и – горьковато – астрами и рыжими бархатцами...

Лёля встала и, как была – в ночной сорочке, босиком – села к столу, включила лампу, достала тетрадь, карандаш... Слова ложились на бумагу сами, легко стекая с карандаша, и Лёля еще успевала удивляться тому, что с ней происходит: вот оно как! Так вот оно что! Все ее прежние сочинения представлялись ей теперь именно «сочинениями» – школьными, вымученными: выдумывала, старалась, строила сюжет! Ничего этого, как оказалось, и не надо – просто сесть

к столу и записывать все, что льется сквозь тебя мощным потоком! Герои были живые, она чувствовала их изнутри, они жили сами, сами говорили, а ей оставалось только быть незримым свидетелем, летописцем их жизни.

Она узнала и сад, и девушку – давно мучилась этой историей, а теперь вот – увидела! Лёля увидела комнату, освещенную ярким желтым светом, застолье, во главе стола немолодая женщина с породистым бледным лицом – высокий пучок, длинные серьги... Именинница! Гости... Гости потом. Девушка, что шла по саду, вот же она! Темные волосы забраны в хвост, грустные глаза... Удивительные глаза – цвета спелой черники! Саша! Пусть ее зовут Саша! Так, все потом – подробности, правка, переделка... Сейчас главное – успеть записать. И где же... А, вот он! Андрей... Племянник хозяйки...

Андрей все время посматривал на Александру – никак не мог понять, какого цвета ее глаза. Почему-то это было важно. Все уже не один раз выпили, закусили – особенно удались пироги, а холодец-то, холодец! А я так селедочку очень даже уважаю... Андрюша, передай-ка салатик...

– Саша, – сказала тетя Аня, – спой что-нибудь!

– Спой, доча! Душа просит! – закричал сидящий напротив Андрея седой краснолицый Михалыч, давний теткин приятель – его жена, похожая на пеструю курочку, дергала мужа за рукав:

— Ну Коль! Не шуми!

— А я что? А я ничего...

Александра взяла гитару, настроила, задумалась, потом, быстро взглянув на Андрея, запела неожиданно низким, каким-то цыганским голосом:

Не говорите мне о нем:

Еще бывшее не забыто;

Он виноват один во всем,

Что сердце бедное разбито...

У Андрея мурашки побежали по коже, а Михалыч смотрел на Сашу, разинув рот, в каком-то оцепенении восторга:

Ах! Не говорите мне о нем,

Не говорите мне о нем!

Саша пела спокойно, негромко, без надрыва, тонкие пальцы ловко перебирали струны, шаль соскользнула с одного плеча:

Он виноват, что я грустна,

Что верить людям перестала,

Что сердцем я совсем одна,

Что молодой я жить устала.

Ах, не говорите мне о нем,

Не говори...

– Тамара! Вылитая Тамара! – закричал вдруг Михалыч, еще большие покраснев: слезы стояли у него в глазах. Жена, тоже вся розовая от неловкости, хватала его за руки, он не давался – упала на пол тарелка, разлилась рюмка...

– Тамара! Зачем, зачем ты ушла! Ааааа...

Саша быстро выскользнула на балкон, Андрей потоптался и вышел тоже, захватив ее шаль – вечер был прохладный. Он прикрыл дверь, сразу стало тихо. Саша стояла, облокотившись о перила – плакала, догадался он. У Андрея было странное чувство, что, войдя в балконную дверь, он вошел в Сашину жизнь – зачем, зачем мне это, именно сейчас?! – подумал он, накрывая ее плечи шалью.

– Спасибо.

Потом, вздохнув:

– Тамара – это мама моя. Она умерла недавно, еще года нет. А дядя Коля ее любил очень, всю жизнь.

– Я понял.

Они помолчали.

Сад дышал влагой, свежестью, пахло яблоками и осенними рыжими цветами, названия которым он не знал никогда – горьковато, тревожно, обещающе. Срывались с веток капли, стучали по листьям, по низкой кровле. «Как же это? – пытался вспомнить Андрей. – Как там у Пастернака? Капнет и вслушивается... Один ли на свете... Нет, не так! Мнет ветку в окне, как кружевце...»

Как же там у Пастернака? – думала Лёля. – Ладно, спрошу потом у Лёни...

– Ужасный! Капнет и вслушивается, – медленно произнесла Саша. – Всё он ли один на свете мнет ветку в окне, как кружевце, или есть свидетель...

И Андрей продолжил, испытывая это странное чувство обреченности, ведóмости – куда, к чему, зачем:

– К губам поднесу и прислушаюсь, всё я ли один на свете, готовый навзрыд при случае, или есть свидетель...

– А ведь ты меня не узнал, правда?

– Не узнал... – ответил он растерянно.

– Помнишь, зима была? Мы с тобой, маленькие совсем, с крыши в сугроб прыгали?

– С крыши в сугроб?

– Ну да! Сначала с этого балкончика прыгали, но тетя Аня прогнала, тогда мы с сарая стали, а там сосед заругался, ружьем пугал, мы убежали... Не помнишь?

У него что-то зашевелилось в голове, какие-то смутные воспоминания:

– У тебя шапочка была... с ушками?

– Да! И ты котиком меня называл – эй, котика!

– Ну да, я же думал, – ты мальчик Саша! Так удивился потом, что девочка...

Он вспомнил и зиму, и «котика», и прыжки в сугробы – три или четыре года подряд мама привозила его к тете Ане

на зимние каникулы, почему-то только зимой. А потом он попал сюда уже почти взрослым – десятый класс окончил, точно! Экзамены сдал в институт. В начале августа и приезжали – на именины тетки. И Саша! Сколько ей тогда было? Лет четырнадцать? Пятнадцать? Они так мучительно стеснялись друг друга, что боялись даже смотреть, а уж когда нечаянно столкнулись в дверях, убирая со стола, покраснели оба не хуже нынешнего Михалыча! Саша была совсем тоненькая, как тростиночка – того гляди переломится... Господи, сколько же лет прошло?

– А я ведь тетю Тамару помню! Черная такая, на цыганку похожа, лицо темное – я боялся ее. Хотя красивая, очень!

– Да, мама уверяла, что у нас прабабка – цыганка. Послушай, давай уйдем? Только мне не хочется через них проходить...

Андрей заглянул через окно – Михалыч утихомирился, разговаривают все, закусывают...

– Давай тут слезем? Невысоко! И бочка там стоит внизу, можно ногу поставить! Прыгали же в детстве, не боялись?

– Так это в сугроб... Ну, давай попробуем...

Андрей перелез через перила – где там эта бочка? Сейчас и ухну в нее... Но нашел, нащупал ногой, встал на бортик – давай! Поймал ее и осторожно спустил, попутно стряхнув на себя всю воду с веток растущей под балконом сирени. Так и стояли, ёжась – ее руки у Андрея на плечах, его – на тон-

кой Сашиной талии.

– Ой!

Вдруг сильно забило по головам крупными редкими каплями – схватив Андрея за руку, Саша помчалась по саду, он бежал за ней, не разбирая дороги, наконец, прибежали куда-то: маленький домик в углу сада. Ворвались внутрь и засмеялись, задыхаясь – успели вымокнуть.

– Кошмар! Есть у тебя зажигалка? Посвети!

Андрей зажег огонек, Саша нашла огарок свечи в жестянке, зажгла. Домик был совсем крошечный – две узкие железные кровати уместились и маленький столик.

– А чем это тут так пахнет?

– Помидорами! Тетя Аня снимает их зелеными, а тут доходят...

Он и сам увидел: подоконник, столик и одна кровать были заложены крупными помидорами – некоторые уже розовели, а на другой кровати стоял тазик с яблоками.

– Это гостевой домик.

Саша сняла тазик на пол и забралась с ногами на кровать – брр, зябко! Он тоже сел рядом, потом обнял ее за плечи, согревая.

– А помнишь, как ты мне голову морочил маленькими человечками? Говорил, живут у вас на чердаке?

– Ага, и водил тебя смотреть! Вон, вон полетел! А ты: где, где?!

– Я долго верила в человечков! А помнишь, ты летом сюда

приезжал, после школы?

— Помню. Как мы шарахались друг от друга!

— И не говори! А мама сказала, что ты больно гордый — ишь, и не взглянет.

— Тяжело тебе без мамы? Я свою пять лет назад похоронил, отец сразу за ней ушел...

— Бедный! Ты знаешь... Мама тяжелым человеком была, нервным. Папа сбежал, не выдержал, я его даже не виню, с ней никто бы не ужился. Болела она тяжело, уходила мучительно. Господи, думала я, за что ей такое, за что?! И казалось мне, что станет без нее легче...

— Не стало?

— Сейчас еще ничего — вон видишь, даже петь могу! А первое время... Так держала она меня! При жизни держала и после смерти не отпускала... Новый год, праздник у всех, а я одна, как перст. Легла спать, а утром, первого января, взяла и поехала сюда, на кладбище — ее здесь похоронили. Тут бабушка у нас, двоюродная... почти девяносто ей, а справляется сама со всем, представляешь? Приехала, и, не заходя к бабушке, пошла. Снегу чуть не по пояс, лезу... А день солнечный, яркий, морозный...

Саша рассказывала, и он все видел: солнце, синее небо с белыми облаками, слепящий снег, золотые стволы сосен — снизу черные, выше золотые. Заснеженные ветки встряхиваются, как живые, роняя снежные пласты... И две огромные черные птицы медленно парят среди сосен — вóроны!

– Я села там в снег и вдруг почувствовала – еще до могилы не дошла, а почувствовала: отпустила она меня. И так остро я ощутила жизнь! Всем... всем существом своим, каждой клеточкой. Сижусь в снегу и плачу: какое счастье – жить! Никогда раньше... такого не было...

Они даже не заметили, что уже не сидят, а лежат рядом. Сашины влажные волосы пахли чем-то лесным – опенками, мхом? Ее дыхание обжигало ему щеку – Андрей чуть повернулся и поцеловал приоткрывшийся ему навстречу рот, потом еще... Потом опомнился.

– Саша, Сашенька... Я же уезжаю через неделю! На полтора года...

– Я знаю. Я все про тебя знаю...

– Зачем нам это?

– А если не спрашивать – зачем? Просто жить! А вдруг мы потом жалеть будем?! Что струсил?! Ты разве не чувствуешь, что с нами происходит?

– Да! – сказал он. – Да, происходит.

Саша встала, сняла юбку, кофточку – он смотрел, как она стоит перед ним, белея тонким обнаженным телом, потом разделся сам, обнял ее крепко – и это оказалось так... правильно, что он даже вздохнул:

– Никогда не верил, что такое бывает!

– Видишь, бывает...

Лёля писала до самого утра, потом в изнеможении рухну-

ла на кровать и заснула. На работу она не пошла, отговорившись простудой, и писала опять целый день, забывая, что надо поесть – хватала в задумчивости кусок хлеба и грызла, стряхивая крошки с тетради. Это было словно наваждение, болезнь – все эти две мучительные недели Лёля ощущала, как чья-то сильная рука держит ее за воротник: пиши! Она ходила на работу и, прячась за шкафами, продолжала писать. Потом, наконец, выздоровела – вещь иссякла, закончилась, завершилась. Получилась маленькая повесть, и тот первый кусок, с которого все началось, ушел в середину. Лёля перепечатала текст на машинке, правя по дороге – как не свой, чужой, другим человеком написанный, потом дала прочесть Алле Львовне, веря ее непредвзятому мнению и тонкому вкусу.

– Ну что ж, поздравляю: это настоящее!

– Правда? Вы правда так думаете?!

– Правда. Крылья есть. Лёня-то не читал еще?

– Нет, я боюсь...

Она боялась. Написанная Лёлей история не имела ничего общего с их собственной жизнью, но каждая строчка текста – каждое слово, каждая запятая! – словно кричала о ее любви к Леониду. Он читал, а Лёля ушла на кухню, и оттуда следила мысленно за медленным продвижением его по тексту: вот сейчас он читает про балкон... Сейчас про домик... Вдруг ей стало стыдно за сцену любви – не слишком ли откровенно? Не пошло ли?! А встреча героев после разлуки –

наверно, это чересчур сентиментально?! А... Лёня пришел к ней и просто молча обнял. Так долго молчал, что Лёля не выдержала и спросила жалобно:

– Ну как? Очень плохо?

Он улыбался и смотрел нежным взглядом:

– Ты знаешь, вряд ли я сейчас смогу сказать тебе что-то вразумительное!

– Почему?!

– Я прочел на одном дыхании! Для меня твой текст – это ты сама, понимаешь? Не могу же я тебе сказать: вот эта бровь, правая, нравится мне больше, чем левая?! Или: указательный палец тебе удался, а мизинец – не очень, еще поработать надо!

Лёля смеялась:

– А если серьезно? Хоть что-нибудь скажи, я же волнуюсь!

– Мне кажется, это хорошо. Очень хорошо! Воздух есть, дыхание... Легкое дыхание! Я еще раз прочту, ладно? А то тоже волнуюсь. И я... Я понял.

Лёля увидела, как дрогнуло его лицо – да, он понял. Потом, через неделю, он вернул ей рукопись всю исчерканную – Лёля так и ахнула: ничего себе!

– А сказал хорошо.

– Так и есть – хорошо! Просто ты еще не отошла и не видишь разные мелочи, а мне видно. Не обижайся, посмотришь – спасибо скажешь.

Лёля посмотрела. И сказала спасибо! Леонид прошелся

частым гребнем, выловив повторы, оговорки, опечатки, а один абзац перечеркнул карандашом: вот это я бы выкинул, но смотри сама...

– А как тебе сцена в домике? Не очень смело? А то оно написалось, а я потом засомневалась...

– Смело! Робко, я бы сказал! Ты что, эротики никакой не читала?

– Лёня, где ты у наших писателей эротику видел?!

– А Бунин? Куприн?

– Я говорила про советских!

– Советских! Нашла на кого равняться. Надо теперь куда-нибудь твой «Август» пристроить...

– Ты знаешь... Так странно, но мне все равно – напечатают, нет. Это было такое счастье – писать! Мука, конечно, но и счастье. И я боюсь: а вдруг это все? Не повторится больше? И боюсь, что повторится...

– Да, повезло тебе! Ангел поцеловал. А я ни разу в жизни ничего похожего не испытывал. Не дано. И ты знаешь, я теперь как-то... успокоился. За тебя. Пусть мы не можем... но ты... ты теперь не пропадешь.

– Да, правда! У меня такое же чувство! Раньше я одна была... С тобой, но...

– Я понимаю.

– А теперь я с Музой... Смешно звучит, напыщенно, но я так чувствую. Она за плечами стоит, понимаешь? И в спину кулачком: пиши!

– Тогда уж с Музом...

– Это ты – мой Муз!

– Да уж, старый, лысый, толстый, в очках... Вылитый Муз!

– Ты не старый! И не толстый! Ты... Ты лучше всех! Ты...

И Лёля заплакала, обнимая его – ничего, ничего не надо!

Ей показалось, что хитрая судьба искушает ее, подсовывая замену, отнимая любовь и давая взамен вдохновение. Нет, не нужно! Ничего – ни вдохновения, ни опьянения творчества, ни радости завершения, ничего – только быть с ним, вместе, всегда... до конца.

Пока они были так заняты друг другом, мир вокруг постепенно менялся, и скорость перемен нарастала – котел бурлил, и взрыв приближался. И Лёля, и Леонид всегда были далеки от политики, от идеологии, избегая как только можно всего советского, краснознаменного – всего того, что Лёня называл «пионерским задором». Они оба жили книгами, и Леонид любил цитировать Пушкина: не для житейского волнения, не для корысти, не для битв – мы рождены для вдохновения, для звуков сладких и молитв!

Он был слишком ленив для каких-то активных действий, да и скептически относился к «роли личности в истории», считая – вслед за Марком Твенем, – что все будет так, как должно быть, даже если будет наоборот. Он даже как-то ухитрился стать профессором, так и не влившись в ряды КПСС – помогла репутация ленивого пофигиста, книжного червя, не приспособленного к жизни. Да и специалиста луч-

ше Полторацкого на кафедре не было.

Но теперь заинтересовался происходящим и Леня: стал смотреть по телевизору репортажи со съездов, хотя каждый раз это кончалось дикими ссорами с Соней, а после того как она, сидя на диване, топала ногами в поддержку депутатам, освистывавшим Сахарова, Лёня перестал с ней разговаривать вообще. У него заболело сердце, когда он увидел седого нелепого человека, упорно и косноязычно пробивающегося к правде сквозь свист и улюлюканье зала, и впервые в жизни он подумал, что, пожалуй, и один в поле воин. Если этот воин – Сахаров. Смерть Сахарова он оплакивал искренне, как смерть близкого человека, и, несмотря на мороз, отправился вместе с Лёлей прощаться – они прошли весь скорбный путь от Пироговки до Фрунзенской, в тесной толпе людей, и никогда раньше Полторацкий не видел таких удивительных лиц. Лёля жадно смотрела по сторонам, впитывая впечатления – он знал, она ведет подробный дневник: ты что, история совершается на наших глазах! Впрочем, Лёля очень не хотела, чтобы он с нею шел: мороз – ты простудишься и заболеешь.

– А ты – нет?!

– А я – нет.

И правда, она никогда не простужалась, он же вечно мерз, руки и ноги зябли, а Лёля была горячая, и, когда ложились вместе, она мгновенно согревала его своим маленьким телом. Он все-таки пошел: должна же у меня быть своя битва

при Фермопилах!

– При чем тут Фермопилы?!

– А как же! Чем знаменит царь Леонид? Ну, историк?

– У меня тройка по античности, я не помню!

– В энциклопедии написано: за десять лет своего царствования Леонид не сделал ничего знаменательного, но обесмертил свое имя сражением при Фермопилах. 480-й год до нашей эры, что б ты знала. Я тоже за всю жизнь ничего знаменательного не сделал. Пусть хоть это.

Лёня не простудился, но спустя месяц упал и сломал ногу, да так неудачно, что пришлось ставить какие-то спицы, потом вытаскивать, нога сгибалась плохо, он завел себе трость, стал бояться гололеда, да и по лестницам поднимался с трудом. Лёля узнала о том, что Лёня в больнице, от Аллы Львовны – и похолодела: ей впервые пришла в голову мысль о том, что он может умереть, а она и знать не будет! И наоборот... Ей стало так страшно, что она на секунду потеряла сознание – отключилась, провалившись в черный колодез ужаса. Потом долго сидела на диване, глядя в одну точку, и просила – неизвестно кого, неизвестно о чем: пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... Пожалуйста!

Они смогли увидаться только через три месяца, когда он хоть как-то стал передвигаться, и Лёля ходила с ним на процедуры – сидела в коридоре, провожала до метро. Все это тянулось до лета, а в июле у Сони случился первый инсульт: она увидела по телевизору, как Ельцин кладет на стол прези-

диума партбилет и уходит прочь по длинному проходу – захрипела и повалилась на пол. Потом Лёля попала в больницу с почечной коликой, и Лёня пришел к ней с пакетом яблок. Они сидели рядышком на жесткой скамье в коридоре и молчали – а что говорить? Все понятно и так. Жизнь растаскивала их в разные стороны, властно и неумолимо, и каждый думал: если так, пусть лучше он будет жив и здоров... пусть она будет жива и здорова... пусть порознь, пусть не вместе... лишь бы жил... лишь бы жила...

– Береги себя, хорошо?

– Постараюсь... – сказал он грустно.

– Ты сможешь звонить?

– Если я не буду тебе звонить, я не выживу...

Они выжили, оба. Потом случился август 1991-го: ГКЧП на фоне «Лебединого озера», Янаев с трясущимися руками, броневики на Садовом... Витя срочно чинил разысканную на антресолях старую «Спидолу», чтобы слушать «Голос Америки» и ВВС; Лёля – конечно же, кто бы сомневался! – была у Белого дома; Галя и Витя там же; а Соня, только было оправившаяся, окончательно растерялась и не понимала уже ничего: кто прав, кто виноват и что делать?! Ее мир рухнул, и Леониду было ее даже жалко. Родись она пораньше, сложила бы свою голову на плахе или сгнила в Сибири, думал иногда Полторацкий, столько было в ней слепого фанатизма – боярыня Морозова, Вера Засулич!

И вот уже Ельцин, стоя на танке Таманской дивизии, пе-

решедшей на сторону защитников Белого дома, произносит свое воззвание; возвращается «фаросский сиделец» Горбачев, стаскивают с постамента бронзового Дзержинского – свобода, свобода, свобода! И развевается российский триколор на здании Дома Советов...

Митинги, похороны троих мальчишек, погибших 21 августа на Садовом – Кричевского, Комаря и Усова... Боже мой, и Витя мог бы, и Галя! А Лёля?! Как он умолял ее не лезть на рожон! Нет, куда там: блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!

Митинг на Манежке, длинная процессия, медленно идущая по Калининскому, и Лёля там, а он не мог, не ходил никуда, болела нога, да и Соню боялся оставить: у нее нервный срыв. Но Лёля все ему рассказывала по телефону:

– Ты знаешь, когда Ельцин вышел к нам из Белого дома и сказал... Со слезами на глазах сказал: дорогие мои! Я совсем рядом была, я видела! Мы заплакали все, правда! Такое было чувство единения, общности, как тогда, у Сахарова, помнишь? Но сильнее и светлее, понимаешь?!

Они еще встречались тогда, редко, но встречались. Потом все реже и реже, но зато часами разговаривали по телефону – один раз посреди ночи вошла Соня, постояла, он прикрыл трубку рукой, спросил: чего тебе? Она ушла. Леонид давно переселился на кухню, спал там на диване – все равно вставал раньше всех. Жизнь неслась стремительно, по Жванецкому: встал – лег, встал – лег, с Новым годом! Соня все ра-

ботала в школе, хотя из завучей ее поперли: привычно скандалила, борясь за справедливость, и сеяла разумное, доброе, вечное в собственном понимании. Она стала как-то неряшлива, забывала причесываться, ходила, не замечая этого, с отпоровшимся подолом и обо всем рассказывала по пять раз подряд, по кругу. Леонид работал как проклятый, денег не было катастрофически, он хватался за все: появлялись уже какие-то гранты, один раз ему удалось на три месяца съездить с лекциями в Штаты, но, пока его не было, у Сони совершенно съехала крыша: она была уверена, что он не вернется, потому что завербован ЦРУ. Витя блестяще окончил институт, начал вдруг зарабатывать какие-то деньги, совершенно невероятные для их нищего семейства, и Соня подозревала его в криминальных связях, а Галя переживала одну несчастную любовь за другой. Соня кричала: принесешь в подоле – прокляну!

Они встретились с Лёлей только через пять лет, на похоронах Аллы Львовны.

Когда Полторацкий увидел ее, в черном платочке, со свечой в дрожащей тонкой руке – отпевали у Ильи Обыденного, – он задохнулся от горя и нежности. Выйдя из церкви, остановился – Лёля подошла, подняла на него заплаканные глаза, погладила по щеке – милый мой, милый, милый... Пока автобус вез на Ваганьково, успели немножко поговорить:

– Как ты?

– А ты?

- Нога беспокоит?
- Как твои почки?
- Господи, о чем мы говорим!
- Что ж делать, годы...
- Да какие наши годы! Ты нисколько не изменился!
- Ты мне льстишь. Вот кто не изменился, так это ты.
- Ой, а у меня книжка вышла, знаешь!
- Поздравляю, ты молодец, я всегда в тебя верил!
- Как дети, Соня?
- Дети хорошо. Да ничего, все нормально.

У Сони был второй инсульт. Он не стал рассказывать Лёле – зачем? Только лишние волнения. На кладбище он держал Лёлю за руку, но на поминки не поехал: болела нога. Душа болела. Лёля плакала все поминки – об Алле Львовне, о Лёнечке, о себе, о неудавшейся жизни. «Лёня так постарел!» – думала она. Морщин у него было мало, но полысел, похудел и как-то выцвел – раньше он был весь бело-розовый, как зефир, Лёля так его и дразнила, а теперь розовое почти ушло, осталась какая-то перламутровая бледность, и глаза стали прозрачнее – плохо вижу, сказал, читаю иногда с лупой... Вспомнилось прошедшее, и так стало больно, так больно!

Вернувшись с кладбища, Полторацкий прилег на диван, вытянув усталые ноги – пришла дочка и села рядом, взяв его руку. Она была так похожа на Соню – молодую Соню, что он вздохнул, а дочка прижала его ладонь к своей щеке:

– Папочка... Устал?

– Есть немного. Как тут мама?

– Да ничего, все в порядке. Сейчас спит. Как ты с ней справляешься?! Может, мне чаще приходиться?

– Пока мы справляемся. Когда тебе чаще приходиться, ты и так крутишься белкой в колесе...

Дочь поцеловала его в бледную щеку.

– Мама такой тяжелый человек, тебе всегда трудно было с ней. А уж сейчас... Вы настолько разные, я все думала, почему вы поженились? Что вас связывало?

– Вы – то, что нас связывало! – Леонид горько усмехнулся. – Вы, дети.

– Пап, а почему... Почему ты тогда не ушел? У тебя же был кто-то? Не знаю, как Витька, а я бы тебя поняла...

Галя вдруг замолчала: она вспомнила, как после очередной ссоры с матерью – опять, опять из-за этой проклятой политики! – отец заметался по квартире, потом выскочил в коридор и стал надевать ботинки, путаясь в шнурках. Она не поняла сначала:

– Папа... папа, ты что! Ты куда? Ты что... из-за этой ерунды?! Папа...

Она заплакала – у отца было такое лицо, что Галя поняла: сейчас он уйдет навсегда!

– Папа!

Вышел Витька, молча смотрел. Матери было не видно и не слышно. Отец постоял, глядя на них – они тарасили ис-

пуганные глаза, как два птенца, – потом тяжело вздохнул и опять надел домашние тапки.

– Пап, – сказал тихо Витя. – Давай в шахматы сыграем, а?

Весь вечер они играли в шахматы, Галя сидела рядом, смотрела – играли медленно, долго раздумывали, отец смотрел только на фигуры, потом пришла мать, робко позвала их ужинать, они с Витькой пошли, но Галя оглянулась и увидела, как отец заплакал, зажав рот рукой... Да, сейчас она его поняла бы, но тогда!

– Откуда ты знаешь?! Что у меня кто-то был?

– Я видела тебя с ней, случайно. В кафе на Горького. Сначала не поняла – ну мало ли! А потом увидела, как вы друг на друга смотрите! Ты ее руку прикрыл своей ладонью, а потом поцеловал. Это было... Это было так прекрасно! Папочка, бедный! Ты же любил ее, правда?!

– Я и сейчас ее люблю, – ответил он и отвернулся к стене, закрыв глаза.

* * *

Может быть, этим и закончить? Пусть читатель сам додумывает, как сложатся судьбы героев... Я встаю и подхожу к окну – там идет снег, медленный новогодний снег. И улыбаюсь, потому что слышу шаги – он тоже не спит, он никогда не может заснуть, если меня нет рядом. Вот сейчас подойдет, прихрамывая, положит мне руки на плечи:

– Опять сочиняешь, полуночница?

А я поцелую его холодную бледную руку – озяб, бедный!

Ну, пойдем, я тебя согрею...

– Ты знаешь, – скажет он, пока мы бредем, обнявшись, по коридору. – Мне тут пришли в голову некоторые мысли по поводу творчества Франсуазы Саган...

И мы рассмеемся.

Он войска свои покинул...

*Что хочешь от меня, ты, песни нежный хмель?
И ты, ее припев, неясный и манящий?
Ты, замирающий, как дальняя свирель,
В окне, растворенном на сад вечерний, спящий?*

Поль Верлен

Тетрадка была совершенно необыкновенная! Толстенная, но узкая – своим золоченым обрезаем и светло-коричневым кожаным переплетом с застежками она напоминала старинный манускрипт. Тетрадку Глебу Алексеевичу подарила внучка. И Глеб Алексеевич знал зачем. Вздохнув, он открыл тетрадь и задумался: с чего же начать? Наверно, со знакомства? Или с женитьбы...

* * *

Женился Глеб в двадцать семь лет на Лере – старшей дочери своего научного руководителя, Михаила Николаевича Лебедева. Мих Ник, как его звали студенты, с первого курса относился к Глебу Сотникову по-отечески – он всегда мечтал о сыне. Да и мальчик хороший: умный, способный, так и тянущийся к знаниям, а ведь вырос в неблагополучной се-

мье. Отца у Глеба, считай, что и не было:пил по-черному, и мать из сил выбивалась, чтобы прокормить троих детей. А Глеб влюбился во всех Лебедевых сразу: благополучная профессорская семья, богатая библиотека, интересные разговоры, налаженный уютный быт – Раиса Семеновна, добросердечная супруга Мих Ника, тоже приветила неухоженного и вечно голодного юношу. Воскресные обеды у Лебедевых поразили неискушенного Глеба в самое сердце: белая скатерть, крахмальные салфетки, суп из фарфоровой супницы, водка в хрустальном графинчике...

Очарования семейству добавляли две прелестные дочки – когда Глеб впервые появился в доме Лебедевых, Лере было двенадцать, а Лёле – семь. Девочки подрастали у него на глазах: сначала они до смешного походили друг на друга, словно младшая была уменьшенной копией старшей, но потом Лёля переболела тяжелой ангиной и, выздоровев, изменилась – теперь она все больше напоминала мать, в отличие от сестры, которая пошла в отца. Волосы у Лёли стали виться: во время болезни ей обрили голову, после чего вдруг выросли кудри, которым Лера страшно завидовала, а Раиса Семеновна, проведя изыскания в семейных альбомах, заявила, что Лёля удалась в двоюродную бабушку – действительно, на фотографиях та щеголяла пышной копной мелко выующихся волос.

На самом деле Глеб вовсе не собирался жениться так рано: он еще не защитил кандидатскую и жил в общежитии на стипендию, подрабатывая где только можно. В доме Лебедевых

его принимали как родного: Раиса Семеновна не могла надышаться на Глебушку, который всегда помогал ей по хозяйству, а обе девочки, как казалось Глебу, были слегка в него влюблены. Ему гораздо больше нравилась Лёля, фантазерка и выдумщица, чем «воображала» Лера: с Лёлей было интересней, да и проще общаться, а Лера представлялась Глебу капризной и непредсказуемой. «Словечка в простоте не скажет, все с ужимкой!» – вздыхал иной раз Мих Ник в ответ на очередную эскападу дочери, цитируя «Горе от ума». Потом Глеб не раз думал, что из двух сестер следовало выбрать младшую, но Лёля была тогда еще совсем девочкой, забавной и непосредственной – эдакий длинноногий жеребенок с пышной гривкой волос, настоящая маленькая разбойница. Но выбирать ему, собственно, и не пришлось.

Капризуля Лера выросла и стала очень привлекательной девушкой, так что Глеб невольно заглядывался то на ее стройные ноги, то на белое плечо, с которого все время спадала лямка сарафана, а то и «запускал глазенапа», как выражался Мих Ник, в вырез того же сарафана, не подозревая, что Лера все замечает, потому и лямка спадает с плеча. Летом Лебедевы снимали дачу в ближнем Подмоскovie, и Глеб частенько к ним наведывался, так что мог любоваться Лерой не только в сарафане, но и в купальнике, когда ходили на пруд.

Глеб уже не помнил, как вышло, что они оказались дома с Лерой наедине. Началось все со вполне невинной иг-

ры: Лера выхватила у Глеба книгу, которую для него оставил Мих Ник: «Попробуй, отними!». Глеб погнался за ней и поймал, прижав к книжному шкафу. Прижал очень сильно, не рассчитав с разгона. «Поцелуй, тогда отдам!» – сказала Лера. Он потянулся губами к ее щеке, но Лера повернула голову и подставила ему приоткрытый рот. Дальнейшее он помнил смутно и очнулся, когда непоправимое уже произошло. Глеб пребывал в полном смятении, а Лера выглядела как ни в чем не бывало и спокойно вышла навстречу вернувшимся родителям, на ходу застегивая блузку. За ужином, который не лез ему в глотку, потому что Глеб ощущал себя предателем, нарушившим доверие Мих Ника и Раисы Семеновны, Лера громко произнесла:

– Глеб, ты сам скажешь? Или мне сказать?

И Глебу ничего не оставалось, как тут же попросить у Мих Ника руки его дочери. Произнося положенные слова, он наткнулся на изумленный взгляд Лёли и воровато отвел глаза. Лебедевы страшно обрадовались, и в суете восклицаний, вопросов и строящихся планов Глеб не сразу заметил, что Лера куда-то исчезла. Потом подошла Лёля и прошептала ему на ухо:

– Пойди к Лере, а то она плачет!

Глеб удивился. Лера действительно плакала и при виде вошедшего Глеба отвернулась.

– Чего ты рыдаешь? – спросил Глеб. – Разве ты не этого хотела?

Лера заплакала еще пуще. Глеб вздохнул, сел рядом и принялся утешать, хотя так толком и не понял, в чем причина ее слез. Надо сказать, что женитьба существенно облегчила Глебу жизнь. Он переехал к Лебедевым – под крыло Раисы Семеновны, и первые несколько лет они с Лерой прожили вполне счастливо, только некоторая неловкость от положения «примака» и навязчивые мысли о том, что его элементарно поймали на крючок, омрачали существование Глеба.

Лера окончила институт, поступила в аспирантуру, он сам защитил кандидатскую и по протекции Мих Ника стал преподавать историю в Педагогическом институте, работая над докторской, а Леру пристроили научным сотрудником в один из московских музеев, где ее почти сразу избрали комсоргом. Глеб с легкой иронией следил за карьерой жены, прекрасно понимая, что она специалист среднего уровня и, что называется, звезд с неба не хватает, поэтому и самоутверждается на поприще общественной работы. Сам он весьма скептически относился ко всей этой партийно-советской дребедени, но принимал правила игры. Лера же, как выяснилось, норовила в этой игре стать ведущей. Глеб так толком и не выяснил всех подробностей произошедшего, но в результате Лериных активных действий уволили одну из старейших сотрудниц, Инессу Матвеевну Метлицкую – единственного в музее специалиста по средневековым рукописям. Глеб когда-то слушал ее лекции – Инесса Матвеевна первая заметила одаренного студента и приняла в нем уча-

стие: именно она ввела Глеба в дом Лебедевых. Уволенная Метлицкая с тяжелейшим инфарктом слегла в больницу, а Глеб устроил дома страшный скандал. Лера пыталась оправдаться, но Глеб не стал ее слушать:

– Если она умрет, это будет на твоей совести. Еще счастье, что отец не дожил до такого позора! – воскликнул он напоследок и вышел, хлопнув дверью. Глеб перестал разговаривать с женой и на ночь стал уходить в бывший кабинет Мих Ника. Инесса Матвеевна все-таки умерла, и разобщенность мужа с женой усугубилась: оба тщательно скрывали свой разлад от Раисы Семеновны, которая сильно сдала после смерти мужа. Им всегда было трудно друг с другом, а Лёля, которая вечно старалась их помирить и сблизить, внезапно вышла замуж за некоего Толика, страшно не нравившегося Глебу: ему казалось, что Лёля достойна лучшего. Продолжалось это почти полгода – Глеб пребывал в мрачности, Лера страдала, но как помириться, оба не знали: Глеб всегда надолго зависал в обидах и раздражении, а Лера не умела подладиться.

Раиса Семеновна скончалась настолько внезапно, что Лёля даже не сразу поверила сестре, рыдающей в трубку телефона: она всего полчаса назад разговаривала с матерью! Эта смерть подкосила всех, но больше всего Леру – через неделю после похорон Лёля позвонила Глебу: «Срочно приезжай домой!» Глеб приехал, раздраженный тем, что пришлось отменить лекцию – дома пахло лекарствами и бедой. Встре-

тившая его Лёля приложила палец к губам и провела Глеба на кухню:

– Не шуми. Она спит.

– Да что случилось-то?!

– Лера пыталась покончить с собой.

– Что? Да ладно! Никогда не поверю. Это манипуляция.

Чтобы эта холодная расчетливая сука...

И тут Лёля его ударила. По щеке, очень сильно. Глеб изумился:

– Ты что?

– Не смей так говорить о моей сестре! Это твоя вина! Ты ее довел!

– Я? – растерянно спросил Глеб, потирая щеку.

– Ты! Да, Лера поступила подло, но она давно раскаялась!

А ты, как инквизитор, все жаришь ее на медленном огне! Думаешь, она не понимала, что ты остаешься в семье только ради нашей мамы? Она каждый день ждала твоих слов о разводе. С ужасом ждала.

Глеб молчал: он действительно думал о разводе. Лёля тяжело вздохнула и села напротив, вытирая выступившие слезы:

– Ладно, прости, что ударила. Не сдержалась. Просто не ожидала, что ты настолько ничего не понимаешь. Лера, может, и сука, но уж никак не холодная! И не расчетливая. Не знаю, поблагодарит она меня или возненавидит, но я расскажу. Потому что желаю ей счастья. Какая бы ни была, но Лера – моя сестра. Больше у меня никого нет. Ну да, еще То-

лик. И ты, наверно...

– Лёля, но ты же знаешь, как я к тебе отношусь!

– Молчи. Просто послушай. Помнишь, как ты делал предложение?

– Еще бы, – усмехнулся Глеб.

– Помнишь, Лера плакала? Ты ведь так и не понял, о чем она плачет, правда? Лера прекрасно осознала, что делает: она тебя хотела, и она тебя получила. А плакала потому, что ты ее не любишь! Потому, что ты за ней не ухаживал, не дарил цветов! Вы не гуляли, взявшись за руки, по бульварам и не целовались под сиренью! Этого у нее не было! И она знала, что не будет уже никогда.

– Но если она понимала, что я не люблю ее, – тогда зачем?

– Но она-то любила! С двенадцати лет! Она с ума по тебе сходила! Она чашку целовала, из которой ты чай пил, она... Она жить без тебя не может.

– Лёля, мне кажется, ты придумываешь... Что-то я не замечал никакой безумной любви...

– Потому что Лера гордая! Нет, так ты ничего не поймешь. Придется начать с детства...

Когда на свет появилась Лера, Раисе Семеновне исполнилось тридцать два, и она считалась «позднородящей». Еще одного ребенка Лебедевы и не ждали, зная о неблагоприятных прогнозах врачей, так что случившаяся через пять лет беременность была воспринята супругами как чудо. Правда, они надеялись на мальчика, но родилась Лёля. Лера воспри-

няла появление сестры как крушение привычного мироздания: пять лет она была центром семьи, любимой и ненаглядной маленькой девочкой, и вдруг в одночасье превратилась в старшую! Лёля родилась недоношенной и слабенькой, много болела, родители над ней тряслись, а Лере казалось, что она теперь никому не нужна.

Лёля сестру обожала, несмотря на то что Лера всячески ее изводила. Но нрав у Лёли оказался на удивление легкий – она быстро прощала и опять смотрела на сестру с искренним восхищением. Как Лера ни третировала сестренку, ей все больше казалось, что одна только Лёля любит ее и понимает. А Лёля действительно очень хорошо понимала сестру. Как всякий болезненный ребенок, Лёля много времени проводила в размышлениях и фантазиях. Она обладала острым умом и наблюдательностью, читать начала в четыре года и все время сочиняла разные сказочные истории. Лёля рано повзрослела, в отличие от сестры, которая так и осталась вечным подростком.

Закомплексованная, самолюбивая и всегда несчастная, Лера завидовала всем вокруг, а особенно сестре, такой живой, доброжелательной и непосредственной, что ее просто нельзя было не любить. Лёля легко обзаводилась друзьями, училась без малейшего напряжения, хотя порой могла и двойку схватить – но никогда не переживала из-за плохих оценок и ко всему относилась с юмором. Лера не могла себе позволить даже тройку и тратила массу времени на приго-

товление уроков, потому что страшно боялась оказаться не на высоте: она всегда должна быть самой лучшей! И тогда, может быть, ее тоже полюбят... Но ее не любили. Друзей у Леры было мало – одноклассники считали ее заносчивой и высокомерной, а девочка просто была замкнутой.

Они с сестрой словно жили в разных вселенных: Лёля – в яркой и веселой сказке, а Лера – в мрачном, полном опасностей мире, и как Лёля ни старалась перетащить сестру в свою сказку, у нее ничего не получалось. Лера напоминала сестре жалкого дикобраза, ошетинившегося иглами и ранящего всех вокруг, даже когда никто не нападает, а наоборот, пытаются погладить. Но при этом она ранила и себя – иглы проросли внутрь. Лёля очень рано поняла, что она гораздо способнее сестры и сильнее духом, поэтому взяла ее под защиту – маленький храбрый оруженосец при слабом и нелепом вояке, для которого слишком тяжелы его грозные доспехи. Но со временем доспехи стали второй кожей, так что лишь сестра знала, насколько хрупкое и ранимое существо скрывается под закаленной сталью...

– И вовсе она не расчетливая! – объясняла Лёля. – Лерка, конечно, пытается что-то планировать, но поступает всегда спонтанно. Потом только до нее доходит, что она натворила. И с Инессой так получилось: Лера пошла на поводу у парторга! Ей сказали действовать – она и взяла под козырек...

Пока Лёля рассказывала, Глеб невольно вспоминал разные эпизоды и мелочи, которые вполне подтверждали ее сло-

ва, да он и сам давно догадался, что Лерина язвительность – всего лишь защита. Но он и не представлял, что Лере так тяжело живется! Глеб прекрасно помнил, как впервые оказался у Лебедевых – дверь ему открыла Лера, и сейчас он понимал, что его первое впечатление было верным: хрупкая застенчивая девочка, неуверенная в себе и... жаждущая любви. Очень красивая девочка: огромные серо-голубые глаза, светло-русые косы, нежный рот – как бутон цветка. Она смотрела на Глеба с опаской, а он улыбнулся и произнес:

– Здравствуйте, принцесса. Могу я войти в ваш замок?

Лера даже рот открыла от изумления. И страшно покраснела. А Глеб взял ее ручку, поцеловал и щелкнул каблуками, наклонив голову. Он долго звал ее принцессой – к великой радости Лёли, которая тут же принялась играть в королевство и сама назначила себя на должность придворного шута. С Лёлей он подружился мгновенно, а Леру пришлось долго приручать. И если б он только знал, что Лера влюбилась в него в ту же секунду, как увидела! Она с волнением ждала его прихода, наряжалась, распускала волосы и старалась нечаянно попасться на глаза – чтобы Глеб, не дай бог, не подумал, что Лера его караулит! А он и не думал. И не замечал ее маневров, хотя искренне любовался, когда видел.

Взросление Леры было мучительным. Она категорически себе не нравилась, как ни убеждала ее сестра, что она просто красотка: и ноги были не такие, как надо, и пальцы кривые, и волосы дурацкие, и глаза невыразительные, а губы так во-

обще конец света. Разве сможет Глеб полюбить такую уродину?! Лера безумно переживала, что Глеб вдруг возьмет и женится на какой-то посторонней девушке, хотя у него еще и девушки-то никакой не было. Но он жил в общежитии, а там нравы вольные, и мало ли, вдруг кто покусится на такое сокровище!

Лера с шестнадцати лет начала продумывать планы по завоеванию Глеба. Она замечала его заинтересованные взгляды и с волнением думала: «Может, я ему все-таки нравлюсь?!» Но Глеб ничего не предпринимал, и Лера расстраивалась. Она была существом совершенно неискушенным и к двадцати годам ни разу не целовалась, в отличие от пятнадцатилетней сестры, у которой Лере, сгорая от стыда, пришлось спрашивать про технику поцелуев. Тренировались они на помидорах, но один раз Лёля все-таки поцеловала сестру в губы – чтобы лучше дошло. Теоретически Лера знала, что должно происходить между мужчиной и женщиной, но реальность ее потрясла, хотя она храбро делала вид, что ей все нипочем. Это была чистая импровизация, все получилось само собой: девушка никак не ожидала, что Глеб загорится от одного поцелуя! Лера не помнила себя от счастья, хотя оно было слегка приправлено горечью: Глеб так и не сказал, что любит ее...

Глеб слушал Лёлю, вспоминал, думал и вдруг осознал, что вполне мог прийти сегодня вечером домой и увидеть мертвую Леру! Если бы не Лёля с ее предчувствием! Лёля жила у

мужа, но работала вместе с Лерой. В обед она зашла к сестре в отдел, там сказали, что Лера приболела и сегодня не придет. Лёля стала звонить, но безрезультатно – потом выяснилось, что Лера отключила телефон. Лёля внезапно страшно испугалась, сама не зная чего, отпросилась с работы и помчалась к сестре. Открыла дверь своим ключом и застала Леру, когда та допивала последнюю порцию таблеток. Ей удалось вызвать у Леры рвоту, потом Лёля позвонила знакомому врачу, тот приехал, принял необходимые меры...

– Почему ты не вызвала «Скорую»?!

– Ты что, не понимаешь? Лерку отправили бы в психушку, как всякого суицидника! Оно нам надо?! Врач сказал, что доза была убойная. Так что я очень вовремя приехала.

Вот тут Глеб и завалился в обморок. В буквальном смысле – грохнулся на пол, съехав со стула. Так что Лёле пришлось выплеснуть ему в лицо стакан воды. Очухавшись, он заполз обратно на стул, послушно выпил какое-то лекарство, подсунутое Лёлей, и долго сидел, обхватив голову руками. Внутри у него все дрожало.

– Ну ладно, не переживай ты так! – сказала Лёля, с жалостью глядя на мрачного Глеба. – Все ж обошлось! Просто будь с ней поласковой.

– Да, – кивнул Глеб. – Да, конечно. Я пойду к ней?

– Иди. Я, пожалуй, тут переночую. А то кто вас знает! Сейчас Толе позвоню...

Но Глеб уже не слышал – он встал и поплелся к Лере: ноги

совершенно не хотели его слушаться. Лера лежала на животе, одна рука бессильно свисала с кровати, одеяло сбилось, обнажая правую ногу и часть бедра в трогательных розовых трусиках. Глеб смотрел и видел совсем не ту Леру, против которой он так долго настраивался, а жалкую девочку, одинокую, потерянную, лишенную любви. А ведь он обещал заботиться о ней! Глеб прикрыл на секунду глаза, потому что даже сердце заболело от мучительного сострадания. Лег рядом с женой – она не проснулась. Он слушал ее неровное дыхание, изнемогал от нежности и чувства вины, а потом, очевидно, задремал, потому что испуганно вскинулся, когда Лера завопилась рядом, всхлипывая и лепеча: «Глеб, Глеб...» Она плакала во сне, и когда Глеб обнял ее, вцепилась в него что есть силы.

– Тихо, тихо, – забормотал Глеб. – Все хорошо! Бедняжка моя... Проснись, дорогая! Это только сон!

Лера очнулась с рыданием, поняла, что рядом муж, и задрожала:

– Глеб! Ты пришел!

А потом они одновременно произнесли: «Прости меня!» – и невольно улыбнулись сквозь слезы. Глеб обнимал жену, целовал ее лицо, дрожащие губы и понимал, что он безумно соскучился. Оказывается, все это время ему страшно не хватало ее ночного присутствия: тепла ее тела, нежного запаха волос и кожи, объятий, прикосновений... Глеб чувствовал неимоверно острое вожделение, замешанное на болезненной

жалости и нестерпимой ярости, направленной прежде всего на себя самого – за то, что допустил все это, но и на Леру – за то, что заставила его пережить такое сильное потрясение.

Именно в эту ночь они и сотворили Антошку. Беременность Леры протекала очень тяжело: она мучилась от токсикоза, лежала на сохранении, пережила кесарево, а потом пребывала в послеродовой депрессии. Она плохо управлялась с ребенком: молока у нее почти не было, Антошка все время орал, а шрам на животе только добавлял горечи – мало того, что никудышная мать, так еще и уродина!

Если бы не Лёля, они бы не выжили. Ее брак не продержался и полутора лет, да и какому мужу понравится, что жена постоянно пропадает в доме сестры! Так что Лёля вернулась домой – к всеобщей радости: маленький Антошка ее просто обожал и звал Нёней. Лерина депрессия постепенно прошла, Антошка подрос и стал таким забавным, что все только умилялись, Лера вышла на работу, и через некоторое время ее назначили заведующей отделом – правда, не тем отделом, откуда она выжила Инессу Матвеевну, а совсем другим. Лера как-то внутренне успокоилась и расцвела: еще бы, она впервые была явно успешнее незамужней и бездетной сестры – выяснилось, что Лёля бесплодна.

А у Лёли вдруг начался роман с совершенно неподходящим, как считала Лера, человеком – Глебу же Лёлин избранник скорее нравился. Саша Горелик – небольшого роста, с волосами, словно черное пламя. Глеб дразнил Лёлю: этот,

твой – дыбом волоса! Роман был тяжелый и закончился плачевно: Горелик собрался уезжать в Израиль, звал Лёлю с собой, она разрывалась между любовью и семьей, прекрасно понимая, как ее поступок может сказаться на карьерах сестры и зятя. А как это переживет Антошка, к которому Лёля прикипела всем сердцем? В общем, Горелик уехал один, без Лёли. А потом произошло событие, которое чуть было не развалило семью Сотниковых окончательно.

Началось все с переезда: их старый дом шел под снос, жильё предложили где-то у черта на куличках – в Бирюлево! Лера развила бурную деятельность, в результате которой Сотниковы оказались в двухкомнатной квартире на Фрунзенской набережной, а у Лёли появилась кооперативная однокомнатная квартирка все в том же Бирюлево. Глеб несколько удивился щедрости Леры, которая добавила сестре денег на кооператив: Лера не отличалась особой щедростью. Конечно, им было тесновато на Фрунзенской, хотя и потолки высокие, и кухня большая, и район хороший. Маленькую комнату отдали Антону, а в большой устроили спальню и кабинет для Глеба – Лера нашла в антикварном магазине старинную ширму, которой отгораживали кровать.

На этой самой кровати Глеб и застал свою жену с любовником. Ситуация была – пошлее не придумаешь! Он на день раньше вернулся из командировки: последние доклады конференции не представляли для него никакого интереса, да и зуб внезапно разболелся, так что Глеб промаялся всю ночь,

лежа на верхней полке скорого поезда Ленинград – Москва. Надо сказать, зубная боль прошла тут же, как только он увидел, что происходит в их семейной спальне: Глеб совсем не рассчитывал застать дома жену, которая в это время должна быть на работе! Впрочем, первым делом он увидел со спины мужскую фигуру, ритмическидвигающуюся над распростертым женским телом, и некоторое время оторопело смотрел, разинув рот. Потом громко кашлянул и под отчаянный вскрик жены ушел на кухню. Через некоторое время к нему выползла Лера – любовник позорно сбежал. Они посидели в тягостном молчании, потом Глеб поднялся и пошел к дверям, благо даже пальто снять не успел. «Какая же ты!..» – Он бросил на ходу грубое слово (Лера тут же зарыдала) и хлопнул дверью. Поехал он к Лёле – а куда еще было ему деваться? По дороге купил бутылку водки и явился к Лёле уже поднабравшимся. Лёля сразу все поняла и, мрачно вздохнув, поставила перед ним стакан, плетенку с хлебом, достала какую-то закуску.

– Значит, ты была в курсе? – спросил Глеб, злобно глядя на Лёлю. – И покрывала ее? Ну давай, расскажи мне, как твоя сестра меня любит! Поведай, какое это нежное и трепетное создание! Что, ты и это одобряешь?

– Не одобряю, – сказала Лёля и налила себе водки. – Да, я случайно узнала. Но не понимала, как лучше: сказать тебе или не говорить. Прости.

– Давно это длится?

– Года два, наверное. Не знаю точно.

– Значит, это началось еще на старой квартире?! А-а! – вдруг догадался Глеб. – Так вот почему она дала тебе денег на кооператив! Плата за молчание?

– Возможно.

Ночевать Глеб остался у Лёли на диване, а утром ни свет ни заря примчалась Лера: отвела сына пораньше в школу и поехала в Бирюлево. Ее появление получилось весьма эффективным: раздался звонок в дверь, а потом крик Лёли:

– Глеб! Да скорей же!

Глеб никак не мог прийти в себя после вчерашнего, мучаясь страшным похмельем, но выглянул в коридор и ахнул: Лёля с трудом удерживала пребывавшую в полуобмороке сестру, по лицу которой текла кровь.

– Что случилось?!

– Там лед... Я упала... Я не нарочно...

И Лера отключилась. Ударилась она сильно – видимо, песцовая шапка слетела при падении, и Глебу пришлось идти ее разыскивать. В другом сугробе валялась Лерина сумка, про которую она вообще забыла. В конце концов ранку на виске промыли перекисью, Леру уложили на кровать, и Лёля все-таки отправилась на работу, строго сказав Глебу на прощание:

– Надеюсь, вы тут не поубиваете друг друга.

Глеб только вздохнул. Он сел на стул рядом с кроватью, где лежала бледная Лера, и спросил:

– Как ты? Не тошнит? Голова не кружится?

– Немножко, – прошептала Лера. – Но я просто испугалась, сотрясения нет, мне кажется.

– В глазах не двоится? Сколько пальцев ты видишь?

Лера взглянула на его оттопыренный указательный палец и чуть усмехнулась:

– Один.

Они долго молчали, потом Глеб спросил:

– Ну и кто он?

– Ты же видел!

– Все, что я видел, – его голая задница. Согласись, что по такой детали трудно опознать человека.

– Это Гена. Геннадий Приступницкий.

– Кто? Генка? Ты, что, получше не могла найти? Он же лет на пятнадцать тебя моложе.

– На восемь.

– Конечно, это меняет дело! И фамилия-то соответствующая – Преступницкий.

– Пишется через «и». От слова «приступ», а не «преступник».

– Какая разница! И как долго вы...

– Почти два года. Но мы нечасто встречались, правда! Всего раз пять... шесть...

– Ну да, или семь-восемь. И у тебя хватило наглости привести его в наш дом?

– Нет! Это только вчера. Честное слово!

– Что ты знаешь о чести, а? Ты, дрянь!

Глеб грязно выругался и вскочил со стула – Лера испуганно подалась к стенке, но он тут же справился с собой и отошел к окну:

– Рассказывай! – произнес он, не поворачиваясь.

– Знаю, я виновата. Но... Понимаешь, он так влюбился!

И я не устояла...

– Влюбился, как же! – раздраженно буркнул Глеб, глядя на снежные хлопья за окном.

– В меня никто никогда не влюблялся.

Голос Леры звучал так печально, что сердце Глеба дрогнуло. «А ведь и правда!» – подумал он и обернулся: Лера сидела на кровати и растерянно смотрела на Глеба. Левая часть лица у нее опухла, а под скулой уже наливался синяк.

– А он цветы дарил, руки целовал... Говорил, что прекрасней меня нет. Что жить без меня не может. Я долго не сдавалась, правда! Даже не знаю, как это вышло... О чем я только думала!

– Ну и как тебе с ним? Нравилось? В постели?

Лера опустила голову:

– Не особенно.

– Тогда почему?

– Я не знала, как это прекратить. Он очень приставучий.

Приставучий! Это детское слово совершенно выбило Глеба из колеи – ярость, копившаяся со вчерашнего дня, иссякла, и он чувствовал какое-то болезненное сострадание, из-за

чего страшно на себя злился.

– Господи, какая же ты дура! – воскликнул он, не зная, чего ему хочется больше: врезать ей как следует или... Или обнять и утешить.

– Ну да, дура, – грустно согласилась Лера. – Ты теперь со мной разведешься?

– Я еще не решил. А что ты сама думаешь?

– Гена хочет, чтобы я ушла к нему.

– Ты-то чего хочешь?

– Я хочу быть с тобой.

Лера закрыла лицо руками, потом снова легла и повернулась к стене. Глеб так и стоял у окна, глядя на ее спину, обтянутую пестрым вязаным свитером. Глеб думал, что делать: разводиться? Или простить? Черт побери все на свете! Он представил себе громоздкую процедуру развода и все сопутствующие обстоятельства: уйти ему некуда, значит, надо разменивать квартиру... А что будет с Антошкой? Развод родителей разрушит весь его мир! Но главное, и Глеб это признавал, он никогда не сможет выкинуть Леру ни из своей жизни, ни из своего сердца. Она мать его сына, вместе они прожили уже... Да почти двадцать лет! И пусть временами Лера его чудовищно раздражала, Глеб всегда чувствовал свою ответственность за жену – ответственность, возложенную на него Мих Ником и Раисой Семеновной, которым он обязан по гроб жизни. В глубине его души навечно запечатлелся образ трогательной девочки с тонкими косичками – как она

просияла, когда он назвал ее принцессой!

– Ну ладно, – сказал Глеб, тяжело вздохнув. – Надо ехать домой. Или еще полежишь? Как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

По голосу Леры было понятно, что она все это время беззвучно плакала.

– Я вызову такси.

– Хорошо. – Она встала с кровати. – Глеб, я хотела сказать... Чтобы ты не волновался. Ну, если решишь разводиться. Ты не беспокойся, я ничего с собой не сделаю. Я как-нибудь переживу, правда.

Глеб молча смотрел на жену, потом мрачно произнес:

– Мы не станем разводиться.

Домой они уехали не сразу, потому что оба внезапно ощутили зверский голод, и Глеб кое-как сварганил яичницу-глазунью – у Леры все валилось из рук, и в такси она сразу заснула, потому что предыдущую ночь совсем не спала. По дороге они заехали за сыном, который ужасно этому обрадовался. Синяк матери его впечатлил:

– Ничего себе ты навернулась! Больно, да?

Этот невыносимо длинный день все тянулся и тянулся: как нарочно телефон звонил не умолкая – лаборантка с кафедры, дипломники Глеба, приятели Антона, коллеги Леры, которым внезапно понадобилась ее помощь в каких-то организационных вопросах... Пару раз, как показалось Глебу, звонил пристававший Гена, но Лера, испуганно глянув на му-

жа, тут же вешала трубку. Она ничем не могла себя занять и либо бродила по квартире как потерянная, либо застывала на одном месте, рассеянно глядя в пространство. А Глеб мучился вопросом: где ему провести ночь? Спать в одной постели с женой ему категорически не хотелось, но, похоже, выхода не было: на кухонном диванчике он просто не поместился бы, идти в комнату сына было невозможно... Достать спальник и устроиться на полу? Это уж слишком. «Ладно, черт с ним! – наконец, решил Глеб. – Надеюсь, она сменила простыни...» Зайдя поздно вечером в спальню, Глеб увидел, что Лера рассматривает в зеркале свое бедро – заметив мужа, она тут же опустила подол ночной рубашки, но Глеб успел увидеть впечатляющий синяк.

– Господи! Ты и ногу ушибла! Надо йодом, что ли, помазать... Сейчас!

Глеб принес йод, опустился на пол и, как Лера ни упиралась, нарисовал ваткой кривоватую йодную сеточку, испачкав себе все пальцы – синяк стал выглядеть просто ужасающе, и Лера потянула вниз ночнушку, чтобы прикрыться. Но Глеб не дал ей это сделать:

– Сними совсем, – велел он.

Его руки сжимали ее бедра – Лера все пыталась повернуться боком, но Глеб развернул ее и притянул поближе:

– Сними, я сказал.

– Глеб... Не надо...

Но он ничего не слушал – закрыл глаза и потянул носом,

впитывая ароматы йода, чистого глаженного хлопка, цветочного мыла – и самый главный, сокровенный женский запах, всегда страшно его возбуждавший. Глеб с силой сжал Лерины бедра и припал губами к ее вздрогнувшему животу – Лера тоненько вскрикнула, а Глеб подумал: «Эта женщина принадлежит мне. И будет принадлежать всегда». Он увлек жену на кровать и полночи всеми доступными способами доказывал ей эту простую истину. Утром Лера робко ему улыбнулась – ей пришлось надеть водолазку с высоким горлом, чтобы скрыть след засоса на шее. Глеб долго ее рассматривал: бледная, с тенями под глазами и фингалом на скуле, она все равно притягивала его, как магнитом, и обреченно вздохнув, он шагнул к ней, с силой обнял и поцеловал в губы, словно поставил последнюю точку: «Ты моя».

Но история на этом вовсе не закончилась: пристававший Геня никак не мог смириться и долго донимал Леру звонками и внезапными появлениями, так что в конце концов Глебу пришлось спустить его с лестницы. Да и сам он успокоиться не мог еще очень долго и даже оплатил Лере той же монетой, воспользовавшись первым подвернувшимся случаем, хотя раньше мысль об измене ни разу не приходила ему в голову. Особой радости это ему не доставило, только какое-то мрачное удовлетворение, особенно когда Лера обнаружила следы помады на воротничке его рубашки. Он читал только что вышедший из печати труд коллеги, когда внезапно появилась Лера и предъявила ему рубашку. Глеб взглянул, по-

морщился и спросил:

– Какие-то проблемы?

Лера мрачно на него посмотрела и вышла, произнеся:

– И чем же ты лучше меня?

«Да ничем!» – злобно подумал он: ему вдруг стало невыносимо тошно. Ночью Лера впервые в жизни попыталась отказать Глебу в близости, но у нее ничего не вышло: Глеб пересилил ее и взял свое – правда, кто кого победил, неизвестно, потому что Лера в результате испытала такую мощную чувственную встряску, что в самый острый момент чуть не потеряла сознание. Как ни странно, она стала получать максимум удовольствия от секса именно сейчас, когда они с Глебом так отдалились друг от друга: обоюдная измена словно подбросила дров в их костер. Их супружеская жизнь превратилась в баталию: днем побеждала Лера, которая стала еще более язвительной, а ночью Глеб яростно доказывал ей, кто в доме хозяин. Так что секса было в избытке, но любовью тут и не пахло. Со временем чувственный жар поутих – возраст брал свое, да и Глеб притерпелся к ворчанию Леры и научился пропускать ее шпильки мимо ушей.

Они с размахом отметили пятидесятилетие Глеба – он слегка полысел, отпустил усы с бородкой и смотрелся весьма импозантно, а Лера, хотя еще не достигла роковых сорока пяти, выглядела в полном соответствии с пословицей про ягодку: она рано поседела, но сияющие голубоватой белизной волосы удивительным образом ее молодили, подчерки-

вая свежесть умело подкрашенного лица. Антон перешел в десятый класс и вымахал под метр восемьдесят. Глеб редко бывал доволен сыном, который казался ему безалаберным, легкомысленным и самовлюбленным эгоистом, но не признавал, что главная причина недовольства в том, что Антон слишком похож на мать.

Лёля за это время завела очередной бесперспективный роман, на этот раз с женатым человеком. Эти непростые отношения вдруг пробудили в ней писательский талант, и Глеб не без удивления прочел Лёлину повесть, напечатанную в одном из толстых журналов – совсем не его жанр (он предпочитал детективы), но очень даже неплохо. Глеб пару раз видел Лёлиного возлюбленного, которого звали Леонидом, – высокий седой мужчина, явно старше ее. Они так трепетно относились друг к другу, что Глеб часто вспоминал эту парочку и даже слегка им завидовал.

А потом в его жизни появилась Саша.

В детстве за сестрами ухаживала няня, которую Глеб уже не застал, но пару раз видел: маленькая старушка, одевавшаяся во все зеленое – девочки называли Агафью Степановну «няня Травка». Агафья Степановна, как понял Глеб, была существом необычайно кротким и незлобливym, а ее страсть к зеленому цвету образовалась в юности, когда некий молодой человек, предмет Агашиной безответной любви, заметил, что к ее рыжим волосам очень подходит лента оттенка молодой травы. С тех пор Агаша совершенно поседела, а зе-

лени в ее нарядах сильно прибавилось, так что среди московской серой толпы она производила очень сильное впечатление, заставляя прохожих оглядываться.

Лёля часто навещала «няню Травку», жившую в крошечной квартирке бывшего дома Ливерса на Плющихе, а как-то осенью в гости к Агафье Степановне отправились и Лера с Антоном: кажется, у старушки был юбилей. Но гости оказались перед запертой дверью, а выглянувшая из соседней квартиры девушка сказала, что Агафья Степановна уже месяц как умерла, и пригласила их к себе на чай. Лёля потом долго сокрушалась, что так и не простилась с няней, Лера же возмущалась, почему им никто не сообщил. А Антону понравилась девушка-соседка. Сам он с отцом, конечно же, не поделился – отношения у них были весьма прохладные, как, впрочем, и с матерью: душу Антон изливал вырастившей его Лёле, которую по детской привычке до сих пор называл Нёня.

Лёля и рассказала Глебу про Сашу Чёрникову: скромная, красивая, доброжелательная, воспитанная. Просто тургеневская девушка! Глеб сначала скептически хмыкнул: уж он-то посмотрелся на этих «тургеневских девушек» у себя в институте. Но когда Саша появилась у них в доме, он согласился с Лёлей. В Александре и правда было нечто пленительно-старомодное: изящество, грация, сдержанность, скромность. Темные вьющиеся волосы, выразительные глаза с длинными ресницами, нежный, всегда чуть улыбающийся рот... В шко-

ле Сашу прозвали Черникой, и действительно, ее глаза по цвету как раз напоминали эту лесную ягоду. Как ни странно, Саша понравилась даже Лере. Правда, она скептически отнеслась к увлечению Антона:

– Ничего серьезного. Перерастет. Повзрослеет, мы ему подберем подходящую партию.

– А Саша-то чем не подходит? – удивился Глеб.

– Ты бы видел ее мать.

– Что не так с ее матерью? – спросил Глеб, начиная раздражаться: его удручало стремление жены изображать из себя «белую кость, голубую кровь».

– Очень странная особа.

Лёля тоже признала, что мать Саши показалась ей мрачной и желчной: «Бедная девочка. Наверное, нелегко ей приходится. Да и живут они небогато». Потом, присмотревшись к Саше получше, Глеб понял, что она умная, наблюдательная, весьма начитанная, искренняя, к тому же удивительно самостоятельная и взрослая, особенно по сравнению с довольно инфантильным Антоном. И у Саши было поразительное для столь юной девушки чувство собственного достоинства.

– Она цельная, сложившаяся личность, – сказала Лёля. – Знаешь, кого Саша мне напоминает? Татьяну Ларину. Помнишь: «Она была нетороплива, не холодна, не говорлива, без взора наглого для всех, без притязаний на успех, без этих маленьких ужимок, без подражательных затей... Все тихо,

просто было в ней».

Через пару месяцев Саша пригласила Антона с Лёлей к себе на день рождения – вернее, пригласила Антона, который уговорил Лёлю пойти с ним: несмотря на присущую ему самоуверенность, Антон побаивался Тамары Васильевны, матери Саши. Вернулся он с праздника мрачнее тучи. Лёля, посмеиваясь, рассказывала Глебу:

– Антошка-то думал, что осчастливил Сашу – как же, принц на белом коне! Но она совсем не Золушка. Во-первых, они собрали роскошный стол, причем половину блюд готовила Саша. Какие пироги подали, пальчики оближешь! Во-вторых, гостей было человек двадцать, еле уместились. Взрослых семеро, остальные – молодежь, и мальчиков больше, чем девочек. Так что нашего Антона потихоньку задвинули в уголок. А мама Сашина – невероятно артистичная особа. У нее потрясающий голос – совершенно оперное контральто. Она нам такой концерт устроила! И Саша ей подпевала. Голос у Саши послабее, чем у матери, но мне Сашино исполнение даже больше понравилось. И на гитаре она играет вполне профессионально. Удивительная семья! Якобы у них в предках есть князь, женившийся на таборной цыганке – отсюда и певческие таланты. В Сашиной матери и впрямь что-то цыганское проглядывает, мне кажется...

– А кто у Саши отец?

– Не знаю. Я так поняла, что он их давно бросил.

Саша стала частой гостьей в доме Сотниковых, и Глеб, со

снисходительным умилением наблюдая, как растет влюбленность его сына, не сразу понял, что происходит с ним самим: вдруг оказалось, что он как бы чувствует Сашу на расстоянии! Подходя к телефону, он знал, что услышит в трубке ее голос, а когда просыпался поутру в необыкновенно радостном состоянии духа, то уже понимал, что непременно увидится с Александрой. Осознал это Глеб, когда почувствовал внезапный всплеск радости, выходя из метро «Парк культуры», а шагов через десять наткнулся на Сашу, стоявшую на остановке троллейбуса вместе со своей мамой. Тогда Глеб впервые увидел Тамару Васильевну, поразившую его своей мрачной красотой, в которой действительно было нечто цыганское, и подумал, что Саше, должно быть, тяжело существовать рядом с таким глубоко несчастным и озлобленным человеком.

Потом Глеб внезапно изменил маршрут своих прогулок, оправдываясь тем, что ему надо больше двигаться: обычно утром он ходил в институт по Хамовническому валу, сворачивая у Новодевичьего кладбища, а вечером – в обратном направлении, теперь же стал возвращаться по Большой Пироговке, выбираясь потом переулками к Комсомольскому проспекту и набережной. Это было в два раза дольше, зато так он мог нечаянно встретить Сашу на Девичке и перекинуться с ней парой слов – несколько раз она даже провожала его до метро «Фрунзенская».

В начале января Сотниковы традиционно устраивали

большой праздник, отмечая сразу Новый год и два дня рождения: Глеба и Антона, которые родились рядышком: Глеб – пятого января, а Антон – шестого, поэтому торжество обычно намечали на седьмое, приурочивая к Рождеству, чтобы никому не было обидно. Праздником, как всегда, занималась Лера, а Глеб привычно ужасался количеству гостей:

– А Иваненко ты зачем пригласила?

– Ну как же! Он всегда работает в Приемной комиссии!

Глеб только поморщился: Антону в этом году предстояло поступать в институт, и Лера, зная, что отец палец о палец не ударит ради продвижения сына, уже предпринимала рекогносцировки в заданном направлении – конечно, Антон должен был учиться именно там, где преподает отец, хотя никаких особенных педагогических талантов у мальчика не наблюдалось. Антон уговорил и Сашу – она сама подумывала о том же, тем более что Пединститут находился в двух шагах от ее дома, но колебалась между филфаком и истфаком.

– Не забудь про Сашу, – сказал Глеб жене, и Лера удивленно подняла брови:

– С какой стати мы должны ее приглашать?

– Вообще-то она девушка нашего сына, – разозлился Глеб. – Как мы можем ее не позвать?

– Ой, да ладно! У него этих девушек еще вагон будет! Или что? Они уже переспали?

У Глеба даже виски заломило от ненависти:

– Саша не из тех девушек, что сразу прыгают в постель к

парню, — отрезал он.

Лера только фыркнула, но Саша все-таки была приглашена. Она пришла не с пустыми руками: Антон с Глебом получили в подарок по затейливо связанному шарфу, а Лёле с Лерой достались необыкновенной красоты узорные варежки, над которыми Лёля тут же восторженно разахалась, уверяя, что не видела ничего подобного даже в художественных салонах. Саша только скромно улыбнулась, а Антон потом рассказал отцу, что Саша с Тамарой Васильевной как раз и работают для одного из таких салонов:

— Только ты маме не говори. А то она какую-нибудь гадость ляпнет.

Сын, похоже, тоже был не в восторге от материнского снобизма. Глеб с удовольствием наблюдал за Сашей, которая вела себя очень просто и естественно, а когда Лёля попросила ее спеть, не стала ломаться, а сразу согласилась:

— Хорошо, только без гитары мне будет трудно.

Но гитара тут же нашлась — Антон заблаговременно достал ее с антресолей. Гитара была старинная, принадлежала еще отцу Мих Ника, и Саша с почтением взяла ее в руки. Настроила и задумалась: что же выбрать? Глеб посмотрел на выразительное Сашино лицо и вдруг понял: он знает, что Саша будет петь. И точно — Саша чуть улыбнулась и запела:

Я понапрасну ждал
Тебя в тот вечер, дорогая.

С тех пор узнал я, что чужая
Ты для меня.
Хотелось счастье
Мне с тобой найти,
Но, очевидно,
Нам не по пути.

Голос Саши был словно старше ее самой, и пела она чуть отстраненно, как бы показывая романс, а не растворяясь в нем:

Мне бесконечно жаль
Своих несбывшихся мечтаний,
И только боль воспоминаний
Гнетет меня...

«Какая боль воспоминаний может быть у этого ребенка? – думал Глеб, любуясь Сашей. – А ведь как проникновенно поет!»

– Bravo! – с некоторым удивлением в голосе воскликнула Лера. – Bravo!

– Сашенька, вы чудо! – поддержала ее Лёля.

Саша засмеялась:

– Спасибо!

– Еще спойте! Пожалуйста! – загомонили гости, и Саша взяла новый аккорд. Она пела романс за романсом – Глеб слушал, время от времени закрывая глаза, и тогда голос Са-

ши действовал сильнее, омывал его душу теплым светом, проникая в такие глубины, о которых он и сам не подозревал. Его все сильнее и сильнее охватывало ощущение полной нереальности происходящего – казалось, что есть только он и Саша, только ее голос, ее хрупкость, нежность, чистота и страсть...

Все так же ломился от закусок стол, звякали приборы, кто-то потихоньку закусывал, кто-то опрокидывал стопочку, Лера хозяйственно оглядывала застолье, Антон смотрел на Сашу, а сидевшая рядом Лёля быстро взглянула на Глеба и тут же отвернулась. Все было прежним, только сам Глеб стал другим. Вдруг Лера сказала – и Глеб невольно поморщился от звука ее голоса:

– Друзья, хорошенького понемножку. Еще одну, последнюю – да, Сашенька? А потом будем пить чай! Зря я, что ли, полдня с тортом возилась!

– Это стихи Цветаевой, – прошептала Глебу Лёля, когда Саша запела:

Нет, с тобой, дружочек чудный,
Не делиться мне досугом.
Я сдружилась с новым другом,
С новым другом, с сыном блудным.
У тебя дворцы – палаты,
У него леса – пустыни,
У тебя войска – солдаты,
У него – пески морские...

Никогда раньше не слышал Глеб этой песни, и она оказалась последним камушком, сдвинувшим лавину: мир рухнул и никогда не станет прежним. Саша допела, и все засуетились: молодежь унеслась в комнату Антона, Лера принялась убирать со стола и готовить чай, а гости разбрелись кто куда. Глеб ушел на лестничную площадку покурить и подумать в одиночестве – даже спустился этажом ниже, чтобы никто из гостей не побеспокоил, но не думалось: в голове крутились последние строчки Сашиной песни: «Он глаза мои увидел – и войска свои покинул». Именно это Глеб и чувствовал. Да, глаза у нее колдовские, черничные! За ними можно пойти через все леса, пустыни и пески морские... А войска пусть как хотят. Потом рядом с ним материализовалась Лёля – подошла, заглянула в лицо.

– Что? – спросил он с раздражением. – Что ты смотришь?

– Гле-еб, – нежно произнесла Лёля. – Бедный Глеб.

– Неужели так заметно?

– Не думаю. Все смотрели на Сашу. А я почувствовала.

– И что мне теперь делать? Как жить?

– Как получится. Только постарайся, чтобы Лера не поняла, а то она тебя изведет.

Глеб горько усмехнулся:

– Да уж!

Потом пили чай, дружно хвалили Лерин торт, действительно необыкновенный. Гости стали потихоньку расходиться.

ся, уехала на такси Лёля, Антон пошел провожать Сашу, Лера домывала посуду, а Глеб сложил раздвижной стол, вынес его в коридор, потом разобрал постель и подошел к окну, чтобы закрыть форточку. На подоконнике за шторой вдруг обнаружилась бутылка, в которой оставалась еще почти треть водки – Глеб посмотрел-посмотрел, взял бутылку, допил все прямо из горла, а потом прилег, не раздеваясь, на кровать и тут же вырубился: он и так довольно много выпил за этот вечер. Лера попыталась было его поднять, но не смогла и только накрыла пледом, а сама отправилась на кухню – ждать возвращения сына.

Ближе к утру Глебу приснился сон, который напоминал фрагмент цветного кинофильма: он жил совсем в другой квартире, полной каких-то уютных старинных предметов – «камера» на мгновение четко показала пузатенький комод с инкрустацией, на котором стояли фарфоровая ваза с розами и приоткрытая шкатулка, где что-то заманчиво поблескивало; потом женский портрет в золоченой раме и зеркало – Глеб увидел свое отражение и понял, что гораздо моложе себя нынешнего. Он прошел в небольшую комнату и сел к письменному столу, тоже старинному, с множеством ящичков. Стол был покрыт зеленым сукном и толстым стеклом. В комнате царил полумрак, поэтому горела настольная лампа с круглым зеленым абажуром, но за окном сияло солнце, и хотя видно было только синее небо с легкими облачками, почему-то было понятно, что там море.

В комнату вошла Саша – она была гораздо старше, чем в реальности. Саша отодвинула бумаги, лежавшие перед Глебом, постелила белую салфетку и поставила стакан с чаем в серебряном подстаканнике, потом взъерошила Глебу волосы и поцеловала в щеку. Глеб обнял Сашу за талию, увлек к себе на колени, несколько раз поцеловал ее улыбающиеся губы, нежную шею и, расстегнув перламутровые пуговицы кружевной блузки, добрался до теплой ложбинки на груди. Саша рассмеялась, вырвалась из его объятий и ушла на балкон: она читала книгу, медленно покачиваясь в плетеном кресле-качалке, и ела яблоко, время от времени поправляя распущенные волосы, которые сбивал ветер. Глеб смотрел на нее и испытывал такое невероятное, такое неистовое счастье, что даже схватывало сердце...

Он проснулся, но долго не открывал глаза, надеясь удержать это удивительное чувство, и перебирал в памяти все подробности сна. Он все еще ощущал вкус Сашиных губ и аромат ее теплого тела, чуть влажного от пота. Это было чувственное и одновременно необычайно целомудренное переживание – ничего общего с тем жаром вожделения, который Глеб испытывал к Лере. «Это любовь – вот что это такое! Разве ты сам не понимаешь?» – прозвучал у него в голове тихий голос Саши, и он повторил про себя: «Любовь...»

Глеб тихо поднялся – спать он больше не мог. Вышел на кухню, посмотрел на часы – было около четырех. Попил из чайника – прямо из носика, нашел сигареты. Почти пять ча-

сов, пока не встали Лера с Антоном, он провел на кухне: ходил из угла в угол, словно заключенный в камере, курил в форточку, доел последний кусок Лериного торта, выпил целый пакет яблочного сока, обнаруженного в холодильнике, и думал. В конце концов, он смирился. Что ему сказала Лёля? Жить, как получится? Что ж, только это Глебу и оставалось. И дело было даже не в том, что Саша – девушка его сына и по возрасту годится Глебу в дочери! Глеб не мог не осознавать, что чувство его безответно и безнадежно. Не стоило ни на что надеяться и ни о чем мечтать. Да и достоин ли он любви такой необыкновенной, прекрасной и чистой девушки, как Александра?! Глеб старался понять, вынесет ли, если Антон с Сашей решат пожениться – говорить об этом, конечно, еще рано, пусть сначала получают образование, но все-таки! С одной стороны, тогда он сможет часто видаться с Сашей, а с другой... Нет, об этом лучше не думать.

Тут на кухню вышла проснувшаяся Лера, увидела Глеба, потом странный натюрморт на столе и изумилась: пепельница с грудой окурков, блюдо с крошками торта, пустой пакет из-под сока и горка мандариновых шкурок – мандарины Глеб тоже машинально доел.

– Ты давно встал? А я-то думала, проспичь до полудня...

– Ну да, что-то не спалось, – сказал Глеб и поспешно поднялся, не в силах разговаривать с женой. – Пойду-ка я прогуляюсь, пожалуй.

– Мусор захвати! – крикнула ему вслед Лера, зажигая газ.

Глеб захватил. Потом прогулялся – конечно, на Плющиху. Он не знал, в каком из бывших домов Ливерса живет Саша, поэтому обошел их все и постоял в каждом дворе, сам не зная зачем. Поплелся обратно. Ощущение счастья выветрилось окончательно, и душу заполнила тоска, и с ней – он знал – теперь придется существовать всю жизнь.

Оказалось, что у этой тоски есть имя, о чем Глебу рассказала Лёля, которая знала все на свете. С ней одной Глеб мог разговаривать о Саше. Когда совсем становилось невмоготу, он приезжал в Бирюлево, и они с Лёлей устраивали праздник саудади. Так именовалось на португальском языке сложное чувство, хорошо знакомое обоим, которое объединяло в себе светлую печаль, сожаления по утраченному, тоску по несбывшемуся и ощущение мимолетности счастья.

К этому времени Лёля уже не встречалась со своим Леонидом, хотя любила его по-прежнему: жизнь как-то растащила их в разные стороны. Писательство стало ее отдушиной, и Глеб иногда завидовал Лёле, способной проживать множество жизней вместе со своими героями.

Антон и Саша окончили школу и поступили в Пединститут – Антон на платное дневное отделение, а Саша на бюджетное вечернее. Днем она работала в районной библиотеке – совсем рядышком, на Новодевичьем проезде, напротив пруда. Глеб теперь встречался с Сашей гораздо чаще: он читал лекции второму курсу вечерников, в первом семестре следующего года вел у них семинар, так что обязательно ви-

делся с Сашей раз в неделю и иногда провожал ее до Плющихи, стараясь не злоупотреблять, чтобы девушка ничего не заподозрила. Потом он предложил Александре писать диплом под его руководством, и она согласилась – это были самые счастливые два года в жизни Глеба, потому что у него появились все законные основания звонить Саше и вызывать на консультации. Но за пару месяцев до защиты диплома внезапно выяснилось, что Саша с Антоном расстались – Глеб не сразу заметил, что Саша перестала бывать у них дома, он и Антона-то редко видел.

– Как расстались? – поразился Глеб.

Саша пожала плечами:

– Да так. Он теперь с другой девушкой встречается. С Ксюшей Дорошенко.

– Ах, вот оно что...

Ксюша была дочерью нового русского, известного предпринимателя – реклама молочных товаров Дорошенко лезла в глаза отовсюду. Глебу стало стыдно за Антона:

– Мне так жаль, Сашенька, что мой сын причинил вам боль.

– Ну, могло быть и хуже.

Саша быстро взглянула на Глеба и чуть покраснела – Глеб догадался: между ними не было физической близости. Эта мысль привела его в восторг, и только на следующий день Глеб осознал, чем ему грозит разрыв Антона и Саши: девушка больше никогда не придет к ним домой. Так Глебу при-

шлось спуститься на следующий круг смирения: он убеждал себя, что их дружеская связь все равно не оборвется – Глеб знал, как тепло Саша к нему относится. Правда, это было совсем не то тепло, о котором он мечтал. Глеб старательно загонял свою тоску вглубь – мало помогали и разговоры с Лёлей, и рюмочка коньяка, принятая на ночь, и научные занятия... Да и кому она теперь нужна, его наука!

День икс неумолимо приближался, и Глеб сделался страшно раздражителен, так что Лера с Антоном старались не попадаться отцу под горячую руку. Надо сказать, что Лера вообще вдруг сильно смягчилась и совсем перестала скандалить с мужем. Правда, он этого не заметил. Наконец, Саша защитилась. Глеб посидел немного на кафедре со своими дипломниками, потом потихоньку сбежал, но в коридоре его догнала Саша:

– Глеб Алексеевич, вы уже уходите? Как жалко.

Глеб смотрел на Сашино лицо – счастливое, освобожденное и одновременно по-детски расстроенное и старательно улыбался:

– Сашенька, вы большая умница. Поздравляю вас! Жаль, что вы не хотите пойти в аспирантуру.

Это был его запасной план: убедить Сашу поступить в аспирантуру или, как вариант, подобрать ей должность в институте, хоть в той же библиотеке. Но Саша уже нашла место учительницы в частной гимназии:

– Нет, Глеб Алексеевич, это не для меня. Спасибо вам

огромное – за все. Вы так много для меня сделали, и я даже не знаю, как теперь буду обходиться без вас.

– Ну, Сашенька, существует же телефон. И ничто не может нам помешать иной раз прогуляться по привычному маршруту.

– Да, конечно. Спасибо. Я так рада, что вы есть в моей жизни!

Саша как-то подалась к нему, и Глебу показалось, что девушка сейчас его поцелует – но Саша не осмелилась. Все, что она говорила, было только солью на раны Глеба: ничего, кроме уважения и дочерней привязанности, не звучало в ее словах. Они расстались, и Глеб с новой силой принялся укрощать свою тоску: ему казалось, что внутри у него постепенно намерзает ледяная глыба. Глеб решил, что подождет месяц... Нет, два месяца! А потом позвонит. Будет законный повод: надо же узнать, как ей работается на новом месте. И он был совершенно не готов однажды вечером увидеть Сашу у входа в институт – всего через одиннадцать дней после разлуки. Разумеется, он считал дни! Давно начал, пытаюсь определить, сколько времени может выдержать без Саши – до сих пор рекорд составлял тридцать девять дней. Саша была очень оживлена и говорлива – Глеб пригляделся к ней и понял, что девушка слегка под хмельком:

– Ну да, я сегодня отвальную устраивала. Последний день отработала. Потом отпуск, а с середины августа я уже в гимназии. Волнуюсь что-то!

– Я думаю, вы прекрасно справитесь. Как планируете провести отпуск?

– Хочется съездить куда-нибудь. Но денег маловато, конечно. Может, в Крым с девчонками махнем – дикарями, на недельку.

– На недельку – это маловато.

– Долше не получится. С мамой проблемы, да и вообще... В конце концов, я всегда могу съездить к маминой подруге на дачу! Это за Переделкино. Там очень красиво и сад роскошный. Она постоянно нас зазывает...

Незаметно они добрались до Девички и присели на скамейку. Саша разговорилась – видно было, что ей не хочется расставаться с Глебом Алексеевичем, а он слушал и наслаждался неожиданным счастьем.

– Вы знаете, мне сначала у вас так понравилось! – говорила Саша, доверчиво глядя на Глеба. – Я подумала: какой теплый дом! Ведь мы с мамой только вдвоем, а у нее характер тяжелый. Папа ушел, когда мне лет десять было, но я его даже не виню, правда. Маму трудно выдерживать. Я-то ведь не могу с ней развестись. А потом я поняла, что у вас тоже не все гладко. Глеб Алексеевич, почему вы ее не оставили?

– Кого? – изумился Глеб, совершенно не ожидавший такого поворота в разговоре.

– Валерию Михайловну.

– Почему я должен был ее оставить? Она моя жена, у нас сын.

– Да я понимаю – семья, ребенок, но... Я все время возмущалась: она же совсем вас не ценит, не уважает и обращается с вами просто ужасно. Неужели вы до сих пор ее любите?

– Господи... Я даже не думал, что вы принимаете это так близко к сердцу! На самом деле все обстоит немного иначе, чем вам представляется.

– Конечно, это совсем не мое дело, но мне казалось, что вы несчастны, и я ужасно переживала. Особенно когда еще думала, что мы сможем породниться. Я сомневалась, что уживусь с Валерией Михайловной. Смешно, конечно, но я мечтала, чтобы вы встретили женщину, которая сделает вас счастливым. Даже пыталась немножко поколдовать! Мы с мамой знаем разные заговоры – правда, я не сильно в это верю, но вдруг оно и правда работает...

Глеб смотрел в Сашины черничные глаза и медленно умирал, раздираемый противоречивыми чувствами, потом решился и очень тихо произнес:

– Я встретил такую женщину. Это вы, Саша.

Он тут же пожалел о сказанном, потому что Саша явно удивилась, ахнула и закрыла лицо руками.

– Господи, какая же я дура! – пробормотала она. – Неправимая дура! Безмозглая идиотка!

Глеб молчал. Саша убрала руки – глаза ее были полны слез:

– Простите, простите меня, Глеб Алексеевич! Ради бога, простите! Я ничего, ничего не понимала. Я люблю вас, очень

сильно люблю! Но... Совсем не так, как вам хотелось бы. Вы знаете, мы ведь с Антоном именно поэтому так долго продержались: я не могла представить своей жизни без вас! А в нем я давно разочаровалась.

– Сашенька, я все понимаю. Я никогда ни на что не надеялся. Не надо мне было говорить. Простите.

– Глеб Алексеевич, а вдруг мы с вами встретимся в следующей жизни? И тогда все получится.

– Да, пожалуй, все надежды только на следующую жизнь, – невесело усмехнулся Глеб, понимая, что Саша пытается его утешить.

– Представляете, вам двадцать, а мне...

– А вам вдруг семьдесят!

– Да, об этом я не подумала... Это еще более безнадежная ситуация...

– Но даже в этой безнадежной ситуации я буду любить вас так же сильно, как сейчас.

Саша опустила голову – оба не знали, что еще сказать и долго сидели в тягостном молчании. Потом Саша взглянула на Глеба и грустно произнесла:

– Глеб Алексеевич, я думаю, нам не стоит больше видеться. Это очень горько, но иначе нельзя. Ответить на ваши чувства я не могу. Вы для меня как отец! Больше, чем отец. А видеть вас и знать, что вы страдаете из-за меня... Нет, я этого не выдержу. Простите меня.

– Что ж... вероятно... вы правы...

Боль, которую испытывал Глеб, была так сильна, что он даже дышал с трудом. Саша смотрела с состраданием, потом протянула руку и коснулась его щеки. Глеб закрыл глаза. И тогда Саша быстро поцеловала его в губы – сердце Глеба остановилось, а потом словно раскололось на множество мелких и острых осколков. Когда он пришел в себя, Саши уже не было.

Глеб долго сидел на этой скамейке, не в силах подняться. Он наконец осознал, что все это время благополучно обманывал себя: в самом дальнем и потаенном уголке его души жила крошечная, слабая и хрупкая надежда. А теперь она умерла, и Глеб вместе с ней. Эта мысль принесла даже какое-то облегчение: раз он больше не принадлежит к миру живых, значит, преграда между ним и его любовью непреодолима. Он будет существовать по другую сторону стены, разделяющей живых и мертвых, в полной тьме...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.